

Литрес ≡ Классика

Марина Цветаева

МНЕ НРАВИТСЯ, ЧТО ВЫ
БОЛЬНЫ НЕ МНОЮ...
(СБОРНИК)

Марина Ивановна Цветаева

Мне нравится, что Вы больны не мной...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74095257

*Мне нравится, что Вы больны не мной... / Марина Цветаева: Литрес
Классика; Москва; 2026*

Аннотация

В этот сборник вошли избранные стихотворения Марины Цветаевой, охватывающие разные периоды её творчества – от ранней, дышащей юношеским романтизмом лирики до глубоко личных, трагических произведений зрелого мастера. Книгу открывает то самое, знаменитое и любимое многими «Мне нравится, что вы больны не мной...» – горькое, нежное и гордое признание в любви, которая добровольно отказывается от обладания. Сквозные темы сборника – страсть и отрешённость, женская душа, одиночество и бесконечная свобода чувства.

Содержание

О любви	12
Тайный жар	32
«Моим стихам, написанным так рано...»	32
«Солнцем жилки налиты – не кровью...»	33
«Вы, идущие мимо меня...»	34
«Два солнца стынут – о Господи, пощади!..»	35
«Цветок к груди приколот...»	36
«Цыганская страсть разлуки!..»	37
«Полнолуние, и мех медвежий...»	38
«Руки даны мне – протягивать каждому обе...»	39
«В огромном городе моем – ночь...»	40
«После бессонной ночи слабеет тело...»	41
«Нынче я гость небесный...»	42
«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»	43
Але	44
«Только живите! – Я уронила руки...»	45
Любови старинные туманы	46
«Из Польши своей спесивой...»	49
«Нет! Еще любовный голод...»	50
«Семь мечей пронзали сердце...»	51
«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»	52

«Ночи без любимого – и ночи...»	54
«Как правая и левая рука...»	56
«Доблесть и девственность! – Сей союз...»	57
«Каждый стих – дитя любви...»	58
Комедьянт	59
«Солнце – одно, а шагает по всем городам...»	70
«Она подкрадется неслышно...»	71
«О нет, не узнает никто из вас...»	72
«Упадешь – перстом не двину...»	73
«Когда-нибудь, прелестное создание...»	74
«Да, вздохов обо мне – край непочатый!..»	75
«Суда поспешно не чини...»	76
Пригвождена...	77
«Восхйщенной и восхищённой...»	81
«Писала я на аспидной доске...»	82
«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»	83
«Знаю, умру на заре! На которой из двух...»	84
«О всеми ветрами...»	85
Благая весть	87
«Есть час на те слова...»	88
«Лютая юдоль...»	89
«Так, в скудном труженичестве дней...»	91
«Ночные шепота: шелка...»	93
«Ищи себе доверчивых подруг...»	95
«Помни закон...»	96

«Когда же, Господин...»	98
«По загарам – топор и плуг...»	101
«Здравствуй! Не стрела, не камень...»	102
«В пустынной хра́мине...»	103
Балкон	105
«Ночного гостя не застанешь.....»	106
«Неподражаемо лжет жизнь...»	107
«Думалось: будут легки...»	108
«Руки – и в круг...»	110
Берлину	112
«Удостоверишься – повремени!...»	113
«Светло-серебряная цвель...»	114
«В сиром воздухе загробном...»	115
Офелия – Гамлету	116
Офелия – в защиту королевы	118
Федра	119
Эвридика – Орфею	123
Раковина	125
Заочность	128
Письмо	130
Минута	132
Клинок	134
Магдалина	136
«С этой горы, как с крыши...»	139
Овраг	141
«По набережным, где седые деревья...»	144

«Древняя тщета течет по жилам...»	145
Побег	146
«Люблю – но мука еще жива...»	148
«Ты, меня любивший фальшью...»	149
Попытка ревности	150
Приметы	153
«Ятаган? Огонь?...»	155
«Не колесо громовое...»	156
«Дней сползающие слизни...»	157
Стихи сироте	158
«Когда я гляжу на летящие листья...»	165
«В синее небо ширя глаза...»	166
«Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!..»	167
«Ушел – не ем...»	168
«– Пора! для этого огня...»	169
«– Годы твои – гора...»	170
«Пора снимать янтарь...»	171
«Всё повторяю первый стих...»	172
Я благодарна поэтам	175
Эллису	175
Чародей	175
С. Я. Парнок	193
Подруга	193
«Руки, которые не нужны...»	212
«И не спасут ни стансы, ни созвездья...»	212
«Душа, не знающая меры...»	213

«Косматая звезда...»	214
«О первое солнце над первым лбом!...»	214
«Блаженны дочерей твоих, Земля...»	215
«Не приземист – высокоросл...»	215
Дочь Иаира	216
Сивилла	218
Деревья	222
Бог	234
Скифские	237
Облака	241
Ручьи	243
Окно	245
Час души	245
«Не спать для кого-нибудь...»	249
Сон	249
«Жизнь я прожила в случайных местах...»	252
«Высокомерье – каста...»	253
«Закрыв глаза – раз иначе нельзя...»	253
Куст	254
Любовь, Любовь...	258
Поэма Горы	258
Поэма Конца	270
На радость	305
Асе	306
Сергею Эфрон-Дурново	309
П. Э	312

«Мне нравится, что вы больны не мной...»	325
«Говорила мне бабка лютая...»	327
Даниил	329
«Сегодня ночью я одна в ночи...»	332
«Август – астры...»	333
Из цикла «Дон-Жуан»	334
Стенька Разин	340
«Нет! Еще любовный голод...»	344
«На кортике своем: Марина...»	345
Стихи к дочери	346
Братья	351
Ученик	354
«Волконский заключен сам в себе, не в себе...»	362
«Жаловаться не стану...»	365
Марина	367
«Как разгораются – каким валежником!...»	371
Разлука	372
Вестнику	382
Из цикла «Георгий»	384
Благая весть	395
Хвала Афродите	402
«С такою силой в подбородок руку...»	405
Подруга	406
«Любимых забываю вместе с собой, любившей...»	412

Ариадна	413
Слова и смыслы	415
«Крутогорьями глаголь...»	417
Так вслушиваются...	418
Брат	420
Наклон	422
«Любовь в нас...»	424
«Любовь, любовь...»	425
«Оставленного зала тронного...»	428
«...Подумали ли Вы...»	429
«Друг, по горячему следу...»	432
«Любовь без ревности...»	433
«Дом с зеленою гущей...»	435
«Милые дети...»	436
Побег	442
«Тише, тише, тише, век мой громкий!...»	442
«– Не нужен твой стих...»	443
«О поэте не подумал...»	445
«Уединение: уйди...»	446
«Жизни с краю...»	447
«Двух станом не боец, а – если гость случайный...»	448
Отцам	450
Жизни	454
«От родимых сёл, сёл!...»	456
«Зная только одни августейшие беды...»	458

Сад	460
«Уж если кораллы на шее...»	462
«Никому не отмстила и не отмщу...»	463
Крысолов	464
Конец ознакомительного фрагмента.	491

Марина Цветаева
Мне нравится, что
Вы больны не мной...

ЛитРес

библиотека

© «Литрес», 2026

О любви
(Из дневника)

1917 г.

Для полной согласованности душ нужна согласованность дыхания, ибо, что – дыхание, как не ритм души?

Итак, чтобы люди друг друга понимали, надо, чтобы они шли или лежали рядом.

Благородство сердца – органа. Неослабная настороженность. Всегда первое бьет тревогу. Я могла бы сказать: не любовь вызывает во мне сердцебиение, а сердцебиение – любовь.

Сердце: скорее орган, чем орган.

Сердце: лот, лаг, отвес, силомер, реомюр – всё, только не хронометр любви.

«Вы любите двоих, значит, Вы никого не любите!» – Простите, но если я, кроме Н., люблю еще Генриха Гейне, Вы же не скажете, что я того, первого, не люблю. Значит, любить одновременно живого и мертвого – можно. Но представьте себе, что Генрих Гейне ожил и в любую минуту может войти в комнату. Я та же, Генрих Гейне – тот же, вся разница в том, что он *может войти в комнату*.

Итак: любовь к двум лицам, из которых каждое в любую минуту может войти в комнату, – не любовь. Для того, чтобы одновременная моя любовь к двум лицам была любовью, необходимо, чтобы одно из этих лиц родилось на сто лет

раньше меня, или вовсе не рождалось (портрет, поэма). – Не всегда выполнимое условие!

И все-таки Изольда, любящая еще кого-нибудь, кроме Тристана, невысказана, и крик Сары (Маргариты Готье) – «О, л'Амур! л'Амур!», относящийся еще к кому-нибудь, кроме ее молодого друга, – смешон.

Я бы предложила другую формулу: женщина, не забывающая о Генрихе Гейне в ту минуту, когда входит ее возлюбленный, любит только Генриха Гейне.

«Возлюбленный» – театрально, «любовник» – откровенно, «друг» – неопределенно. Нелюбовная страна!

Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит – удивляюсь, не любит – удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен.

Старики и старухи.

Бритый стройный старик всегда немножко старинен, всегда немножко маркиз. И его внимание мне более лестно, больше меня волнует, чем любовь любого двадцатилетнего. Выражаясь преувеличенно: здесь чувство, что меня любит целое столетие. Тут и тоска по его двадцати годам, и радость за свои, и возможность быть щедрой – и вся невозможность. Есть такая песенка Беранже:

...Взгляд твой зорек...
Но тебе двенадцать лет,
Мне уж сорок.

Шестнадцать лет и шестьдесят лет совсем не чудовищно, а главное – совсем не смешно. Во всяком случае, менее смешно, чем большинство так называемых «равных» браков. Возможность настоящего пафоса.

А старуха, влюбленная в юношу, в лучшем случае – трогательна. Исключение: актрисы. Старая актриса – мумия розы.

– ...И была промеж них такая игра. Он ей поет – ее аккуратно Марусей звали – «Маруся ты, Маруся, закрой свои глаза», а она на постелю ляжет, простынею себя накроет – как есть покойница.

Он к ней: «Маруся! Ты не умри совсем! Маруся! Ты взаправду не умри!» – Каждый раз до слез доходил. – На одной фабрике работали, ей пятнадцать годочков было, ему шестнадцать...

(Рассказ няньки.)

– А у меня муж, милые: бы-ыл!!! Только и человекакого, что обличие. Ничего не ел, всё пил. Подушку мою пропил, одеяло с девками прогулял. Всё ему, милые, скушно: и работать скушно, и со мной чай пить скушно. А собой хорош, как демон: волоса кучерявые, брови ровные, глаза синие... –

Пятый год пропадает!

(Нянька – подругам.)

Первый любовный взгляд – то кратчайшее расстояние между двумя точками, та божественная прямая, которой нет второй.

Из письма:

«Если бы Вы сейчас вошли и сказали: «Я уезжаю надолго, навсегда», – или: «Мне кажется, я Вас больше не люблю», – я бы, кажется, не почувствовала ничего нового: каждый раз, когда Вы уезжаете, каждый час, когда Вас нет – Вас нет навсегда и Вы меня не любите».

В моих чувствах, как в детских, нет степеней.

Первая победа женщины над мужчиной – рассказ мужчины о его любви к другой. А окончательная ее победа – рассказ этой другой о своей любви к нему, о его любви к ней. Тайное стало явным, ваша любовь – моя. И пока этого нет, нельзя спать спокойно.

Все нерассказанное – непрерывно. Так, непокаянное убийство, например, – *длится*. То же о любви.

Вы не хотите, чтобы знали, что вы такого-то любите? То-

гда говорите о нем: «я его обожаю!» Впрочем, некоторые знают, что это значит.

Рассказ.

– Когда мне было восемнадцать лет, в меня был безумно влюблен один банкир, еврей. Я была замужем, он женат. Толстый такой, но удивительно трогательный. Мы почти никогда не оставались одни, но когда это случалось, он мне говорил только одно слово: «Живите! Живите!» – И никогда не целовал руки. Однажды он устроил вечер, нарочно для меня, назвал прекрасных танцоров – я тогда страшно любила танцевать! Сам он не мог танцевать, потому что был слишком толст. Обыкновенно он на таких вечерах играл в карты. В этот вечер он не играл.

(Рассказчице тридцать шесть лет, пленительна.)

– «Только живите!» Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб...
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.
И на высокий вал моего дыхания
Властная вдруг – словно с неба ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
Так молодую Бурю слушает – Бог.
(Nachhall, отзвук.)

Гостиная – поле, вчерашняя смолянка – Буря, толстый

банкир – Бог. Что уцелело? Да вот то одно слово, которое банкир говорил институтке и Бог в первый день – всему: «Живите!»

«Будь» единственное слово любви, человеческой и божеской. Остальное: гостиная, поле, банкир, институтка – частности.

Что же уцелело? – Всё.

Лучше потерять человека *всем собой*, чем удержать его какой-то своей сотой.

Полководец после победы, поэт после поэмы – куда? – к женщине. Страсть – последняя возможность человеку высказаться, как небо – единственная возможность *быть* – буре.

Человек – буря, страсть – небо, ее растворяющее.

О, поэты, поэты! Единственные настоящие любовники женщин!

Желание вглубь: вглубь ночи, вглубь любви. Любовь: провал во времени.

«Во имя свое» любовь через жизнь, «во имя твое» – через смерть.

«Старуха... Что я буду делать со старухой??!» – Восхитительная – в своей откровенности – формула мужского.

«Зачем старухи одеваются? Это бессмысленно! Я бы приказал им всем одинаковый... «юниформ», а так как они все богаты, я бы создал кассу, из которой бы одевал – и очень хорошо одевал бы! – всех молодых и красивых».

– Не мешай мне писать о тебе стихи!

– Помешай мне писать стихи о себе!

В промежутке – вся любовная гамма поэта.

Третье лицо – всегда отвод. В начале любви – от богатства, в конце любви – от нищеты.

История некоторых встреч. Эквилибристика чувств.

Рассказ юнкера:...«объясняюсь ей в любви, конечно, напеваю...»

Любовность и материнство почти исключают друг друга. Настоящее материнство – мужественно.

Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы – и сколько нематеринских – на детские!

Страстная материнская любовь – не по адресу.

Там, где я должна думать (из-за других) о поступке, со-

чинять его, он всегда нецелен – начат и не кончен – не объяснит не мой. Я точно запомнила А и не помню Б – и сразу, вместо Б – мои блаженные иероглифы!

Разговор:

Я, о романе, который хотела бы написать: «Понимаете, в сыне я люблю отца, в отце – сына... Если Бог пошлет мне веку, я непременно это напишу!»

Он, спокойно: «Если Бог пошлет вам веку, вы непременно это сделаете».

О Песни Песней:

Песнь Песней действует, на меня, как слон: и страшно и смешно.

Песнь Песней написана в стране, где виноград – с булыжник.

Песнь Песней: флора и фауна всех пяти частей света в одной-единственной женщине. (Неоткрытую Америку – включая.)

Лучшее в Песни Песней – это стих Ахматовой:

«А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней».

«Я бы никогда не мог любить танцовщицы, мне бы всегда казалось, что у меня в руках барахтается птица».

Вдова, выходящая замуж. Долго искала формулу для этой отвращающей меня узаконенности. И вдруг – в одной французской книге, очевидно, женской (автора «*Amitié amoureuse*»)¹ – моя формула:

«*Le remariage est un adultère posthume*»².

– Вздохнула!

Раньше все, что я любила, называлось – я, теперь – вы. Но оно всё то же.

Жен много, любовниц мало. Настоящая жена от недостатка (любовного), настоящая любовница – от избытка. Люблю не жен и не любовниц – «*amoureuses*».

Как музыкант – меньше музыки! И как любовник – меньше любви!

(NB! «Любовник» и здесь и впредь как средневековое обширное «*amant*». Минуя просторечие, возвращаю ему первичный смысл. Любовник: тот, кто любит, тот, через кого явлена любовь, провод стихии Любви. Может быть, в одной постели, а может быть – за тысячу верст. – Любовь не как «связь», а как стихия.)

¹ «Любовная дружба» (*фр.*).

² Второй брак – это посмертный адюльтер (*фр.*).

«Есть две ревности. Одна (наступательный жест) – от себя, другая (удар в грудь) – в себя. Чем это низко – вонзить в себя нож?»

(Бальмонт.)

Я должна была бы пить Вас из четвертной, а пью по каплям, от которых кашляю.

Как медленно сходятся с Вами такие-то! Они делают миллиметры там, где я делала – мили!

Зачем змей, когда Ева?

Любовь: зимой от холода, летом от жары, весной от первых листьев, осенью от последних: всегда – от всего.

Ночной разговор.

Павел Антокольский³: – У Господа был Иуда. А кто же у Дьявола – Иуда?

Я: – Это, конечно, будет женщина. Дьявол ее полюбит, и она захочет вернуть его к Богу, – и вернет.

Антокольский: – А она застрелится. Но я утверждаю, что это будет мужчина.

Я: – Мужчина? Как может мужчина предать Дьявола? У него же нет никакого доступа к Дьяволу, он Дьяволу не нужен, какое дело Дьяволу до мужчины? Дьявол сам мужчи-

³ Поэт, ученик Студии Вахтангова. (Прим. М. Цветаевой.)

на. Дьявол – это вся мужественность. Дьявола можно соблазнить только любовью, то есть женщиной.

Антокольский: – И найдется мужчина, который припишет себе честь этого завоевания.

Я: – И знаете, как это будет? Женщина полюбит Дьявола, а ее полюбит мужчина. Он придет к ней и скажет: – «Ты его любишь, неужели тебе его не жаль? Ведь ему плохо, верни его к Богу». – И она вернет...

Антокольский: – И разлюбит.

Я: – Нет, *она* не разлюбит. *Он* ее разлюбит, потому что теперь у него Бог, она ему больше не нужна. Не разлюбит, но бросится к тому.

Антокольский: – И, смотря в его глаза, увидит, что все те же глаза, и что она сама побеждена – Дьяволом.

Я: – Но был же час, когда Дьявол был побежден, – час, когда он вернулся к Богу.

Антокольский: – И предал его – мужчина.

Я: – Ах, я говорю о любовной драме!

Антокольский: – А я говорю об имени, которое останется на скрижалях.

Я: – Женщина – одержимая. Женщина идет по пути вздоха (глубоко дышу). Вот так. И промахнулся Гейне с его «*horizontales Handwerk*»!⁴ Как раз по вертикали!

Антокольский: – А мужчина хочет – так: (Выброшенная

⁴ Горизонтальным ремеслом (нем.).

рука. Прыжок.)

Я: – Это не мужчина так, это тигр так. Кстати, если бы вместо «мужчины» было «тигр», я бы, может быть, и любила мужчин. Какое безобразное слово – мужчина! Насколько по-немецки лучше: «Mann», и по-французски: «Homme». Man, homo... Нет, у всех лучше...

Но дальше. Итак, женщина идет по пути вздоха... Женщина, это вздох. Мужчина, это жест. (Вздох всегда раньше, во время прыжка не дышат.) Мужчина никогда не хочет первый. Если мужчина захотел, женщина уже хочет.

Антокольский: – А что же мы сделаем с трагической любовью? Когда женщина – действительно – не хочет?

Я: – Значит, не она хотела, а какая-нибудь рядом. Ошибся дверью.

Я, робко: – Антокольский, можно ли назвать то, что мы сейчас делаем – мыслью?

Антокольский, еще более робко: – Это – вселенское дело: то же самое, что сидеть на облаках и править миром.

Я: – Два отношения к миру: любовное, материнское.

Антокольский: – И у нас два: любовное, сыновнее. А отцовского – нет. Что такое отцовство?

Я: – Отцовства, вообще, нет. Есть материнство: – Мария – Мать – большое М.

Антокольский: – А отцовство – большое О, то есть нуль,

зеро.

Я, примиряюще: – А зато у нас нет дочернего.

Говорим о любви.

Антокольский: – Любить Мадонну – все равно, что застраховаться от кредиторов. (Кредитора – женщины.)

Говорим о Иоанне д'Арк, и Антокольский, внезапным взрывом:

– А королю совсем не нужно царства, он хочет то, что больше царства – Иоанну. А Вам... А ей до него нет никакого дела: – «Нет, ты должен быть королем! Иди на царство!» – как говорят: «Иди в гимназию!»

Насыщенный раствор. Вода *не может* растворить больше.

Таков закон. Вы – насыщенный мною раствор.

Я – не бездонный чан.

Нужно научиться (мне) подходить к любовному настоящему человека, как к его любовному прошлому, то есть – со всей отрешенностью и страстностью творчества.

Соперник всегда – или Бог (молишься!) – или дурак (даже не презираешь).

Предательство уже указывает на любовь. Нельзя предать знакомого.

1918 г.

Суд над адмиралом Щастным. Приговор произнесен. Подсудимого уводят. И, уходя, вполоборота, в толпу: «Вы придете?»»

Женское: – Да!

Я не любовная героиня, я никогда не уйду в любовника, всегда – в любовь.

«Вся жизнь делится на три периода: предчувствие любви, действие любви и воспоминание о любви».

Я: – Причем середина длится от 5-ти лет до 75-ти, – да?

Письмо:

«Милый друг! Когда я, в отчаянии от нищенства дней, задушенная бытом и чужой глупостью, вхожу, наконец, к Вам в дом, я всем существом в праве на Вас. Можно оспаривать право человека на хлеб (дед не работал, значит – внук не ешь!) – нельзя оспаривать право человека на воздух. Мой воздух с людьми – восторг. Отсюда мое оскорбление.

Вам жарко. Вы раздражены. Вы «измучены», кто-то звонит, Вы лениво подходите: «Ах, это Вы?» И жалобы на жару, на усталость, любование собственной ленью, – да восхищайтесь же мной, я так хорош!

Вам нет дела до меня, до моей души, три дня – бездна (не для меня – без Вас, для меня – с собой), одних снов за три

ночи – тысяча и один, а я их и днем вижу!

Вы говорите: «Как я могу любить Вас? Я и себя не люблю». Любовь ко мне входит в Вашу любовь к себе. То, что Вы называете любовью, я называю хорошим расположением духа (тела). Чуть Вам плохо (нелады дома, жара, большевики) – я уже не существую.

Дом – сплошной «нелад», жара – каждое лето, а большевики только начинаются!

Милый друг, я не хочу так, я не дышу так. Я хочу такой скромной, убийственно-простой вещи: чтобы, когда я вхожу, человек радовался».

Тут, дружок, я заснула с карандашом в руке. Видела страшные сны, – летела с нью-йоркских этажей. Просыпаясь: свет горит. Кошка на моей груди делает верблюда. (Аля, двух лет, говорила: горблюд!)

Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители.

Не любить – видеть человека таким, каким его осуществили родители.

Разлюбить – видеть вместо него: стол, стул.

Семья... Да, скучно, да, скудно, да, сердце не бьется... Не лучше ли: друг, любовник? Но, поссорившись с братом, я все-таки вправе сказать: «Ты должен мне помочь, потому что

ты мой брат... (сын, отец...)» А любовнику этого не скажешь – ни за что – язык отрежешь.

В крови гнездящееся *право интонации*.

Родство по крови грубо и прочно, родство по избранию – тонко. Где тонко, там и рвется.

Моя душа чудовищно-ревнива: она бы не вынесла меня красавицей.

Говорить о внешности в *моих* случаях – неразумно: дело так явно, и настолько – не в ней!

– «Как она Вам нравится внешне?» – А *хочет* ли она внешне нравиться? Да я просто права на это не даю, – на такую оценку!

Я – я: и волосы – я, и мужская рука моя с квадратными пальцами – я, и горбатый нос мой – я. И, точнее: ни волосы не я, ни рука, ни нос: я – я: незримое.

Чтите оболочку, осчастливленную дыханием Бога.

И идите: любить – другие тела!

(Если бы я эти записи напечатала, непременно сказали бы: *par dépit*)⁵.

Письмо о Лозэне⁶:

«Вы хотите, чтобы я дала Вам краткий отчет о своей по-

⁵ С досады (*фр.*).

⁶ Герой моей пьесы «Фортуна» (*примеч. М. Цветаевой*).

следней любви. Говорю «любви», потому что не знаю, не даю себе труда знать... (Может быть: все, что угодно, – только не любовь! Но – все, что угодно!)

Итак: во-первых – божественно-хорош, во-вторых – божественный голос. Обе сии божественности – на любителя. Но таких любителей много: все мужчины, не любящие женщин, и все женщины, не любящие мужчин.

Он восприимчив, как душевно, так и наочно, это его главная и несомненная сущность. От озноба до восторга – один шаг. Его легко бросает в озноб. Другого такого собеседника и партнера на свете нет. Он знает то, чего Вы не сказали и, может быть, и не сказали бы... если бы он уже не знал! Чтущий только собственную лень, он не желая заставляя Вас быть таким, каким ему удобно. («Угодно» здесь неуместно – ему ничего не угодно.)

Добр? Нет. Ласков? Да.

Ибо доброта – чувство первичное, а он живет исключительно вторичным, отраженным. Так, вместо доброты – ласковость, любви – расположение, ненависти – уклонение, восторга – любование, участия – сочувствие. Взамен *присутствия* страсти – *отсутствие* бесстрастия (пристрастности присутствия – бесстрастие отсутствия).

Но во всем вторичном он очень силен: перл, первый смычок.

– А в любви?

Здесь я ничего не знаю. Мой острый слух подсказывает

мне, что само слово «любовь» его – как-то – режет. Он вообще боится слов, как вообще – всего явного. Призраки не любят, чтобы их воплощали. Они оставляют эту роскошь за собой».

«Люби меня, как тебе угодно, но проявляй это так, как удобно мне. А мне удобно, чтобы я ничего не *знал*».

Воля в зле? Никакой. Вся прелесть и вся опасность его в глубочайшей невинности. Вы можете умереть, он не справится о вас в течение месяцев. И потом, растерянно: «Ах, как жаль! Если бы я знал, но я был так занят... Я не знал, что так сразу умирают...»

Зная мировое, он, конечно, не знает бытового, а смерть такого-то числа, в таком-то часу – конечно, быт. И чума – быт.

Но есть у него, взамен всего, чего нет, одно: воображение. Это его сердце, и душа, и ум, и дарование. Корень ясен: восприимчивость. Чужая то, что в нем видите вы, он становится таким.

Так: денди, демон, баловень, архангел с трубой – он все, что вам угодно, только в тысячу раз пуще, чем хотели вы. Игрушка, которая мстит за себя. *Objet de luxe et d'art*⁷ – и горе вам, если это *objet de luxe et d'art* станет вашим хлебом насущным!

– Невинность, невинность, невинность!

⁷ Предмет роскоши и искусства (*фр.*).

– Невинность в тщеславии, невинность в себялюбии, невинность в беспамятности, невинность в беспомощности...

Есть, однако, у этого невиннейшего и неуязвимейшего из преступников одно уязвимое место: безумная – только никогда не сойдет с ума! – любовь к няне. На этом раз навсегда исчерпалась вся его человечность.

Итог – ничтожество, как человек, и совершенство, как существо.

Из всех соблазнов его для меня я бы выделила три главных: соблазн слабости, соблазн бесстрастия – и соблазн Чужого.

Москва, 1918–1919

Тайный жар

«Моим стихам, написанным так рано...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

*Коктебель,
13 мая 1913*

«Солнцем жилки налиты – не кровью...»

Солнцем жилки налиты – не кровью —
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно и так просто
Мимолетность жизни – и свою.

15 мая 1913

«Вы, идущие мимо меня...»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Два солнца стынут – о Господи, пощади!...»

Два солнца стынут – о Господи, пощади! —
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца – прошу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

6 октября 1915

«Цветок к груди приколот...»

Цветок к груди приколот,
Кто приколол – не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете вы, зовете,
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

«Полнолуние, и мех медвежий...»

Полнолуние, и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! – Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега – свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг,
Я на дерево гляжу, – в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь – сниться,
Отоснились – Вы.

27 ноября 1915

«Руки даны мне – протягивать каждому обе...»

Руки даны мне – протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы – давать имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и – нежней – нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжёле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, —
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно
быть —
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

«В огромном городе моем – ночь...»

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь,
И люди думают: жена, дочь.
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни, как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

*Москва,
17 июля 1916*

«После бессонной ночи слабеет тело...»

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим,
В медленных жилах еще занывают стрелы,
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

19 июля 1916

«Нынче я гость небесный...»

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

Але

А когда — когда-нибудь — как в воду
И тебя потянет — в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом — меня — мои стихи — забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара —

И бросайся каждому на грудь.
Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь — миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!

(Я о них *писала* — столько раз!)
Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись — добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, — забудь.

11 июня 1917

«Только живите! – Я уронила руки...»

Только живите! – Я уронила руки,
Я уронила на́ руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыхания
Властная вдруг – словно с неба – ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
– Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

Любви старинные туманы

1

Над черным очертаньем мыса —
Луна – как рыцарский доспех.
На пристани – цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, —
И горестный, огромный вздох:
– Ne laissez pas traîner mes lettres!⁸

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синеет водный путь.
– Опять любить кого-нибудь? —
Ты уезжаешь утром рано.

⁸ «Не раскидывай мои письма!» (*фр.*)

Горячие туманы Сити —
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить – только рот
И страстный возглас твой: – Живите!

3

Смывает лучшие румяна —
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы – солоны. Боюсь,
Я завтра утром – мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? – Во сне.
– Как ветрено! – Привет жене,
И той – зеленоглазой – даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден – от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!

– Так вот она, стрела Господня! —

– Какое зарево! – Сегодня

Я буду бешеной Кармен.

...Так, руки заложив в карманы,

Стою. Меж нами океан.

Над городом – туман, туман.

Любви старинные туманы.

19 августа 1917

«Из Польши своей спесивой...»

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,

Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.
– А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

20 августа 1917

«Нет! Еще любовный голод...»

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен – оттого что молод,
Нежен – оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот – Ширази лепестки! —
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

«Семь мечей пронзали сердце...»

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое – семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней – утешаюсь.
Если встретится – скажи.

25 мая 1918

**«Я – есмь. Ты – будешь.
Между нами – бездна...»**

Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.

Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есмь! – а я скажу: – когда-то...

6 июня 1918

«Ночи без любимого – и ночи...»

Ночи без любимого – и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был – и не будет,
Кто не может быть – и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен – вниз...
Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется – Жизнь.
Кто от века не был – и не будет,
Кто не может быть – и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен – вниз...
Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется – Жизнь.

Между 30 июня и 6 июля 1918

«Как правая и левая рука...»

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!

10 июля 1918

«Доблесть и девственность! – Сей союз...»

Доблесть и девственность! – Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши – Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лир.

27 июля 1918

«Каждый стих – дитя любви...»

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.

14 августа 1918

Комедьянт

1

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен – и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший – или шпага?
Зритель, бой – или гавот?
Шаг вперед – назад три шага,
Шаг назад – и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство – не любовь!

И итогом этих (в скобках —

Несодеянных!) грехов —
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

2

Мало ли запястий
Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое – далось?

Всё кругом до около —
Что кот с мышом!
Нет, – очами, сокол мой,
Глядят – не ртом!

19 ноября 1918

3

Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.

Тебе ль остановить кружа́щееся сердце?

Порукою тетрадь – не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действием комедийным?

Любовный крест тяжел – и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел – и мы его схороним.

20 ноября 1918

4

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится – самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

– Баба! – мне внуки на урне напишут.
И повторяю – упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой Любви молодой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине вост ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный —
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! – Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но – вдохновенный —
Всё пророкочет голос мой крылатый —
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

Короткий смешок,
 Открывающий зубы,
 И легкая наглость прищуренных глаз.
 – Люблю Вас! – Люблю Ваши зубы и губы,
 (Все это Вам сказано – тысячу раз!)

Еще полюбить я успела – постоит! —
 Мне помнится: руки у Вас хороши!
 В долгу не останусь, за всё – успокойтесь —
 Воздам неразменной деньгою души.

Посмейтесь! Пусть нынешней ночью приснятся
 Мне впадины чуть улыбнувшихся щек.
 Но даром – не надо! Давайте меняться:
 Червонец за грошик: смешок – за стишок!

27 ноября 1918

Розовый рот и бобровый ворот —
 Вот лицедеи любовной ночи.
 Третьим была – Любовь.

Рот улыбался легко и нагло.
Ворот кичился бобровым мехом.
Молча ждала Любовь.

8

Сядешь в кресла, полон лени.
Встану рядом, на колени,
Без дальнейших повелений.

С сонных кресел свесишь руку.
Подыму ее без звука,
С перстеньком китайским – руку.

Перстенок начищен мелом.
– Счастлив ты? – Мне нету дела!
Так любовь моя велела.

5 декабря 1918

9

Ваш нежный рот – сплошное целованье...
– И это всё, и я совсем как нищий.

Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеваньё!

Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину —
Иль чуточку притворства – по призванью...

– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!

Декабрь 1918

10

«Поцелуйте дочку!»
Вот и всё. – Как скупое! —
Быть несчастной – глупо.
Значит, ставим точку.

Был у Вас бы малый
Мальчик, сын единый —
Я бы Вам сказала:
«Поцелуйте сына!»

11

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной Душою своею в разлуке —
Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности – глуше.
Только порою, в предутренний час —
С темного неба – таинственный глас:
– Женщина! – Вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

12

В ушах два свиста: шелка и метели!
Бьется душа – и дышит кровь.
Мы получили то, чего хотели,
Вы – мой восторг – до снеговой постели,
Я – Вашу смертную любовь.

27 января 1919

13

Шампанское вероломно,
А все ж наливай и пей!
Без розовых без цепей
Наспишься в могиле темной!

Ты мне не жених, не муж.
Твоя голова в тумане...
А вечно одну и ту ж —
Пусть любит герой в романе!

14

Скучают после кутежа.
А я как веселюсь — не чаешь!
Ты — господин, я — госпожа,
А главное — как ты такая ж!

Не обманись! Ты знаешь сам
По злому холодку в гортани,
Что я была твоим устам —
Лишь пеною с холмов Шампани!

Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи —
Без патоки любовной правды!

15

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль фонарей — любовь!

Я лживую кровь свою
Пою — в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих — я пью!

Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут — пуще нас!

И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц —
За всех роковых любовниц

Грядущих твоих – я пью!

Москва, март 1919

«Солнце – одно, а шагает по всем городам...»

Солнце – одно, а шагает по всем городам.
Солнце – мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.
– Никому. – Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет – погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

«Она подкрадется неслышно...»

Она подкрадется неслышно —
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях — и ни с места!
Свинцовыми гирями — стыд.
Но птице в переднике — тесно,
И птица — сама полетит!

19 марта 1920

«О нет, не узнает никто из вас...»

О нет, не узнает никто из вас
— Не сможет и не захочет! —
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!

Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
— В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!

Март 1919

«Упадешь – перстом не двину...»

Упадешь – перстом не двину.
Я люблю тебя как сына.

Всей мечтой своей довлея,
Не щадя и не жалея.

Я учу: губам полезно
Раскаленное железо,

Бархатных ковров полезней —
Гвозди – молодым ступням.

А еще в ночи беззвездной
Под ногой – полезны – бездны!

Первенец мой крутолобый!
Вместо всей моей учебы —

Материнская утроба
Лучше – для тебя была б.

Октябрь 1919

«Когда-нибудь, преlestное создание...»

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты – маленькой была, я – молодой.

Октябрь 1919

«Да, вздохов обо мне – край непочатый!..»

Да, вздохов обо мне – край непочатый!
А может быть – мне легче быть проклятой!
А может быть – цыганские заплаты —
Смиренные – мои
Не меньше, чем несмешанное золото,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна – не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна – забыть, что знал когда-то —
Иное вещество,
Чем воздух – под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он – как и ты – глашатай
Господа своего.

17 мая 1920

«Суда поспешно не чини...»

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной – не черни
Галчонка – белизной.

А впрочем – что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь – белей тебя!

17 мая 1920

Пригвождена...

С. С. С.

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке – лишь горстка пепла!

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.
Что ни одна до самых недр – мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.

Ты не поймешь, – малы мои слова! —
Как мало мне позорного столба!

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы *ты* предстал перед глазами —
С другим в руке – окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ,
Прениже ног твоих, прениже трав.

Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена – березкой на лугу.

Сей столб встает мне, и не рокот толп —
То голуби воркуют утром рано...
И всё уже отдав, сей черный столб
Я не отдам – за красный нимб Руана!

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую — к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал — тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
— Мое дитя становится послушным!

Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука

Монашеская — хладная до жара! —
Рука — о Элоиза! — Абеяра.

В гром кафедральный — дабы насмерть бить! —
Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920, канун Вознесения

«Восхищенной и восхищённой...»

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться – лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

17–19 мая 1920

«Писала я на аспидной доске...»

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, —
И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим — любим! —
Расписывалась — радугой небесной. Как я хотела, чтобы
каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зжатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прошусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпрастаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.

И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увести, —
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

«Знаю, умру на заре! На которой из двух...»

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

«О всеми ветрами...»

О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Геоργия – робость,
Геоργия – кротость...

Очей непомерных
– Широких и влажных —
Суrowая – детская – смертная важность.

Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копьѧ.

Не тот – высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Геоργий,
Тишайший Геоργий,

Горчайший – свеча моих бдений – Геоργий,
Кротчайший – с глазами оленѧ – Геоργий!

(Трепещущей своре
Простивший олень.)
– Которому пробил

Георгиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!
Ты – все мои бденья
И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое —
В вышину!
Ты, блудную снова
Взнесший жену.
– Так слушай же!..

(Не dokonчено за письмом)

14 июля 1921

Благая весть

С. Э.

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!

В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмелеваюсь — и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты —
Что за морем ты,
Не за облаком ты!

15 июля 1921

«Есть час на те слова...»

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может – от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может – от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах – взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час – и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.

11 июня 1922

«Лютая юдоль...»

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так – о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута
С моими дикостями – и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах

В летопись твою.

12 июня 1922

«Так, в скудном труженичестве дней...»

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя – даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой*,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, – но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав

И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

«Ночные шепота: шелка...»

Ночные шепота: шелка

Разбрасывающая рука.

Ночные шепота: шелка

Разглаживающие уста.

Счета

Всех ревностей дневных —

и вспых

Всех древностей — и стиснув челюсти —

И стих,

Спор —

В шелесте...

И лист

В стекло...

И первой птицы свист.

— Сколь чист! — И вздох.

Не тот. — Ушло.

Ушла.

И вздрог

Плеча.

Ничто.

Тщета.

Конец.

Как нет.

И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

«Ищи себе доверчивых подруг...»

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник – и знаю ремесло.

От высокаторжественных немот
До полного попрапия души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши!

18 июня 1922

«Помни закон...»

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом —
В Граде Друзей:

В этом пустом,
В этом крутом
Небе мужском
— Сплошь золотом —

В мире, где реки вспять⁹
На берегу — реки,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...

Легонькой искры хруст,
Взрыв — и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)

О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд —

⁹ Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На́ – берегу́ – реки. – М. Ц.

В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!

Так, между отрочеств:
Между равенств,
В свежих широтах
Зорь, в загараньях

Игр – на сухом ветру
Здравствуй, бесстрашие душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!

20 июня 1922

«Когда же, Господин...»

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,
Спокойствие высот.

Когда ж в пратишину
Тех перволюбизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,
Как с пуховых горбин
В синь горнюю рвалась.

Как под упорством уст
Сон – слушала – траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи – ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог...

Дерева – первый – вздрог,
Голубя – первый – ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

– Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо – какой пробел!

Если бы – не – рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета – сбылись

Жизни б...

Не луч, а бич —
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо – какой предел!

День. Ломовых дорог
Ков. – Началась. – Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...

Как из ведра —
Утро. Малярный мел.

В летописи ребра
Небо – какой пробел!

22–23 июня 1922

«По загарам – топор и плуг...»

По загарам – топор и плуг.
Хватит – смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.

Здравствуй – в ветхозаветных
тьмах —
Вечной мужественности взмах!

Мхом и медом дымящий плод —
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь —

Сердце – бросив...
– ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!

24 июня 1922

«Здравствуй! Не стрела, не камень...»

Здравствуй! Не стрела, не камень:

Я! – Живейшая из жен:

Жизнь. Обеими руками

В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:

Нá! – Двуострота змеи!)

Всю меня в простоволосой

Радости моей прими!

Льни! – Сегодня день на шхуне,

– Льни! – на лыжах! – Льни! – льняной!

Я сегодня в новой шкуре:

Вызолоченной, седьмой!

– Мой! – и о каких наградах

Рай – когда в руках, у рта:

Жизнь: распахнутая радость

Поздороваться с утра!

25 июня 1922

«В пустынной хра́мине...»

В пустынной хра́мине
Троилась – ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала – ровнею.
– Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов – пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Люба́я: бо́льшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Полжизни? – Всю тебе!
По-локоть? – Во́т она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! – Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...
– Не властвовать!
Без слов и на́ слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире – ласточкой!

Берлин, 26 июня 1922

Балкон

Ах, с откровенного отвеса —
Вниз – чтоб в прах и в смоль!
Земной любви недовесок
Слезой солить – доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелует злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком —
Что: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: – Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв – выдышаться в смерть!

30 июня 1922

«Ночного гостя не застанешь.....»

Ночного гостя не застанешь...

Спи и прости навек

В испытаннейшем из пристанищ

Сей невозможный свет.

Но если – не сочти, что дразнит

Слух! – любящая – чуть

Отклонится, но если навзрыд

Ночь и кифарой – грудь...

То мой любовник лавролобый

Поворотил коней

С ристалища. То ревность Бога

К любимице своей.

2 июля 1922

«Неподражаемо лжет жизнь...»

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал...
Бормот – сквозь жимолость – ста жал...
Радуйся же! – Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души – что вот уже: лбом в сон.
Ибо – зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь – жизнь.

8 июля 1922

«Думалось: будут легки...»

Думалось: будут легки
Дни – и бестрепетна смежность
Рук. – Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.

Не – поздно еще!¹⁰
В рас – светные щели
(Не поздно!) – еще
Нам птицы не пели.

Будь на – стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже,
Друг, если до завтра!

Земля да легка!
Друг, в самую сердь!
Не в наши лета
Откладывать смерть!

Мертвые – хоть – спят!
Только моим сна нет —
Снам! Взмахом лопат,

¹⁰ Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде. – М. Ц.

Друг – остановимте память!

9 июля 1922

«Руки – и в круг...»

Руки – и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) – дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел,
– Ты, что мне пропадом был двухзвездным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

Берлину

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вдрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканья.

Поздравствовалось – и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

«Удостоверишься – повремени!..»

Удостоверишься – повремени! —
Что, выброшенный на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за голову заломив,
– Глоткою соловьиной! —
Не о сокровищнице – Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

«Светло-серебряная цвель...»

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнёт – и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу – не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
– Спи! – головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи. – Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

«В сиром воздухе загробном...»

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздоги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мороке — две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мороке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

Офелия – Гамлету

Гамлетом – перетянутым – натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный – до последнего атома...
(Год тысяча который – издания?)

Наглостью и пустотой – не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди – лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том – что сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же – тссс! – Будущность!
Рвем – и новые растут! Предатели ль
Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? – Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!) тонете...
– Не было! – Но встанем в памяти
В час, когда над ручьёвой хроникой
Гамлетом – перетянутым – встанете...

28 февраля 1923

Офелия – в защиту королевы

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что – единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным – суд
Над страстью. Тяжеле виновная – Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! – А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь – в опочивальню – и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту —
Я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

Федра

1

Жалоба

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опалает... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят – от плеч!
Зубы щербень хотят – в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспалется ум мой пылкий!..

Точно в ноздри и губы – пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!

Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это – красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме – как в склепе.
Есть Элизиум – для – кляч:
Живодерня! – Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза – мен
Лепесткового – клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со – общник!
Это лава – взамен плит
Под ступнею! – Олимп взропщет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей – мы – лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме – как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2

Послание

Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – весть.
Прихотливому мальчику, чья красота как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам – стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.

О прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! – Не похоть! Не женского лона – блажь!
То она – обольстительница! То Психеи лесь –
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

– «Устыдись!» – Но ведь поздно! Ведь это последний всплеск!

Понесли мои кони! С отвесного гребня – в прах —
Я наездница *тоже*! Итак, с высоты груди,
С рокового двухолмия в пропасть твоей груди!

(Не своей ли) – Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
В вощаную дощечку – не смуглого ль сердца воск?! —
Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

Эвридика – Орфею

Для тех, отженивших последние ключья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим – свидание нож.

Уплочено же – всеми розами крови
За этот просторный покрой
Бессмертья...

До самых летейских верховий
Любивший – мне нужен покой

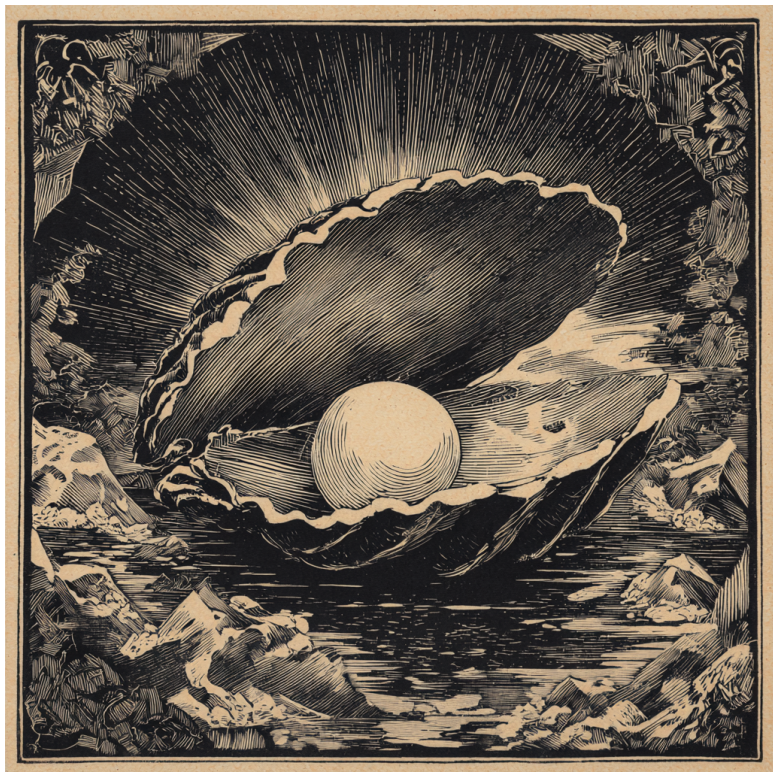
Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем – призрак *ты*, сущий, а явь —
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
– «Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! – С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же – вспомяни мои крики! —
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

Раковина

Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий —
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь сокровений твоих касаясь

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей

Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

– Выйдешь! – По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная. – О, настезь створы! —
Матери каждая пытка в пору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

Заочность

Кастальскому току,
Взаимость, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно
Как некое долгое íá
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон

В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мне белым
По черному – мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче – глухая стена!

4 августа 1923

Письмо

Так писем не ждут,
Так ждут – письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо.
И счастье. И это – всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. И это – всё.

Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

Минута

Минута: мѣнущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Что завтра б – вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так лсти ж

Другим, десятиричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, *что минеешь*:
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминование минут.

12 августа 1923

Клинок

Между нами – клинок двуострый
Присягнувши – и в мыслях класть...
Но бывают – страстные сестры!
Но бывает – братская страсть!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок – рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний – в себя вдвинем.
Это будет – лучшее лечь!

Это будет – братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Не повинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

Магдалина

1

Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне – чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась – светла
Мать! – очесами демонскими
Таясь, лила б маслá

И нá ноги бы, и пóд ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть, по купцам распроданная,
Расплеванная – теки!

Пеною уст и накипиями

Очес и по́том всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26 августа 1923

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, — сплошное
Исструение; а тот,

В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
— Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

31 августа 1923

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! – ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И – слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла.
Я был наг, а ты меня волною
Тела – как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленаяй меня без льна.
– Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла,
Как волна.

31 августа 1923

«С этой горы, как с крыши...»

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер – и чувств.

От очевидцев скрою
В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных – стен.

Страсти: хвала убитым,
Сущим – срам.
Так же смотрел на битву
Царь – Приам.

Рухнули у – стои:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О – лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь – и – встань.

30 август 1923

Овраг

1

Дно – оврага.
Ночь – корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв – не надо.
Ляг – и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить – закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен —
Мрак! Бесплатен —
Бог: как к пропасти припасть.

(Час – который?)
Ночь – сквозь штору
Знать – немного знать. Узнай

Ночь – как воры,

Ночь – как горы.
(Каждая из нас – Синай

Ночью...)

10 сентября 1923

2

Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу
– Сердце перебой —
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь – следы целовал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьевая речь...
Прав, что слепо берешь... От такой победы
Руки могут – от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвою падучей
Сами – листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг – и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне —
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может – неба на дне!)

В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то на́смерть разбит.
Что победа твоя – поражение *сонмов*,
Знаешь, юный Давид?

11 сентября 1923

«По набережным, где седые деревья...»

По набережным, где седые деревья
По следу Офелий... (Она ожерелья
Сняла, – не наряженной же умирать!)
Но все же
(Раз смертного ложа – неможней
Нам быть нежеланной!
Раз это несносно
И в смерти, в которой
Предвечные горы мы сносим
На сердце!..) – она все немногие вёсны
Сплела – проплывать
Невестою – и венценосной.

Так – небескорыстною
Жертвою миру:
Офелия – листья,
Орфей – свою лиру...
– А я? —

28 сентября 1923

«Древняя тщета течет по жилам...»

Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!

К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу – иль еще куда-нибудь

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела

Вон – хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)

...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923

Побег

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроясь,
– О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд

Выглядывает бомбист
С еще-сотрясением взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не... – Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь —
Как об стену... (Под ногой
Подножка – или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 октября 1923

«Люблю – но мука еще жива...»

Люблю – но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:

Дождливые, – расточившие всё
Сам выдумай, чтобы в их листве

Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,

На гроб стекал, чтобы лоб – светал,
Озноб – стихал, чтобы кто-то спал

И спал...

Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня – сожгут.)

Баюкай же – но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 октября 1923

«Ты, меня любивший фальшью...»

Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

Попытка ревности

Как живется вам с другою? —
Проще ведь? – Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(Пó небу – не по водам!)?
Души, души! – быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),

Как живется вам – хлопочется —
Ежится? Встается – как?
С пошлюиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любою —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам – здоровится —
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бѣз шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?

Нет? В провале без глубин —

Как живется, милый? Тяжче ли,

Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

Приметы

Точно гору несла в подоле —
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.

Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеаясь, гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых, – горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

«Ятаган? Огонь?..»

Ятаган? Огонь?

Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,

Как губам —

Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

«Не колесо громовое...»

Не колесо громовое —
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

«Дней сползающие слизи...»

Дней сползающие слизи,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спать?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Январь 1925

Стихи сироте

*Шел по улице малютка.
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка,
Пожалела сироту...*

1

Ледяная тиара гор —
Только бренному лику – рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16–17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь – плющ, обнимающий камень —
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я – и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен – а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кру́гом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет – седым!
Круговую порукой сиротства, —
Одиночеством – круглым моим!

(Та́к вплелась в мои русые пряди —
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на́ две —
Чтобы остров создать – и обнять.

Все́й Савойей и все́м Пиемонтом,
И – немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым – и руками двумя!

21–24 августа 1936

3

(Пещера)

Могла бы – взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины – лапы —
– Могла бы – взяла бы.

Природы – на лоно, природы – на ложе.
Могла бы – свою же пантерину кожу
Сняла бы...

– Сдала бы трущобе – в учебу:
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, —

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке
Сплетаются руки на вечные веки —

Как ветви – и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.

В листве бы, в плюще бы, в плюще – как в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:

В росе бы, в листве бы, в листве – как в родстве бы...

Чтоб в дверь – не стучалось,

В окно – не кричалось,

Чтоб впредь – не *случалось*,

Чтоб – ввек не кончалось!

Но мало – пещеры,

И мало – трущобы!

Могла бы – взяла бы

В пещеру – утробы.

Могла бы —

Взяла бы.

Савойя,

27 августа 1936

На льдине —

Любимый,

На mine —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне – любимый.

В коросте – желанный,
С погоста – желанный:
Будь гостем! – лишь зубы да кости – желанный!

Тоской подколенной
До тьмы провалённой
Последнею схваткою чрева – жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5–6 сентября 1936

5

Скороговоркой – ручья водой
Бьющей: – Любимый! больной! родной!

Речитативом – тоски протяжней:
– Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева – продольным разрезом:
– Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

6

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.

Что́ для ока – радуга,
Злаку – чернозем —
Человеку – надоба
Человека – в нем.

Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.

Это – шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран – в руке моей.

И за то, что с *язвою*
Мне принес ладонь —
Эту руку – сразу бы

За тебя в огонь!

11 сентября 1936

(7)

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком —
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову – мою.

5–6 сентября 1936

«Когда я гляжу на летящие листья...»

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые – как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине – забыт.

20-е числа октября 1936

«В синее небо ширя глаза...»

В синее небо ширя глаза —
Как восклицаешь: – Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь —
Как восклицаешь: – Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: – Будут стихи!

1936

«Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!...»

Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!
Круг – вкруг головы.
Но и под мехом – неги, под пухом
Гаги – дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
– В гнезд, в звезд черноте —
Как ни кружи вас, как ни баюкай
– Ах! – бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (*бедные мы!*).
Не родился еще, кто вложит
Перст – в рану Фомы.

7 января 1940

«Ушел – не ем...»

Ушел – не ем:
Пуст – хлеба вкус.
Всё – мел,
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

«– Пора! для *этого* огня...»

– Пора! для *этого* огня —
Стара!

– Любовь – старей меня!

– Пятидесяти январей
Гора!

– Любовь – еще старей:

Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! – камней, старей – морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

«– Годы твои – гора...»

– Годы твои – гора,
Время твое – царей.
Дура! любить – стара.
– Други! любовь – старей:

Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

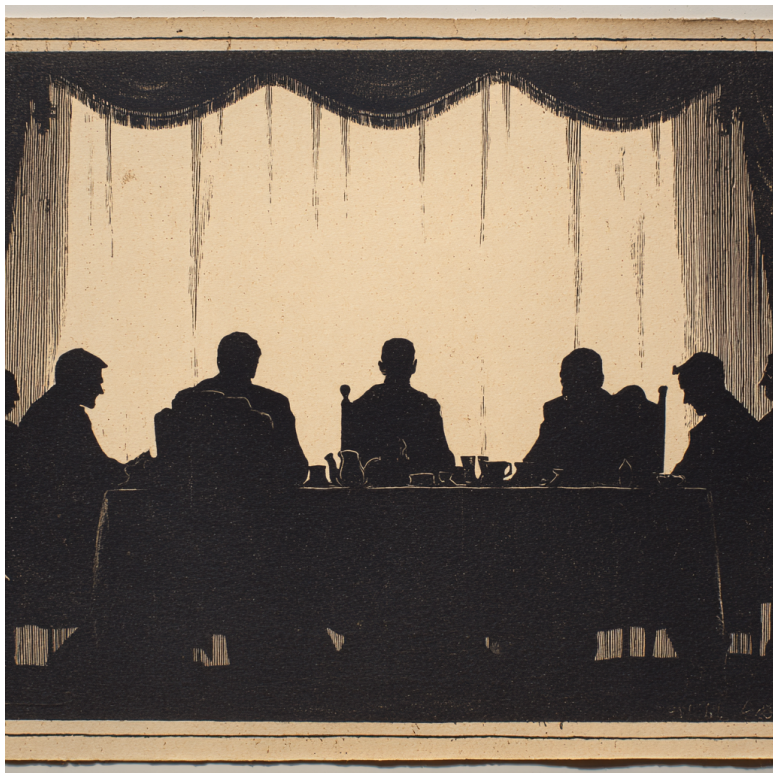
«Пора снимать янтарь...»

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Февраль 1941

«Всё повторяю первый стих...»

«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу – с твоими,

(Своими)...

Робкая как вор,
О – *ни души* не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти – на половицы.

И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – *душ*,
Меня не посадивший – с краю.

6 марта 1941

Я благодарна поэтам

Эллису

(Л. Л. Кобылинскому, 1879–1947)

Чародей

Поэма

Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон
Наш гувернер – наш чародей,
Наш принц и рыцарь. – Был нам всем он
Среди людей!

В нем было столько изобилий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили —
Одну весну.

Один его звонок по зале —
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали

Глаза и лоб.

И как бы шевелились корни
Волос, – о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже – грудь.

И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.

– Семь раз в течение недели
Такой звонок!

.....

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!

Он вылетает к нам, как птица,
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться,
Кричать и петь.

.....

Прыжками через три ступени
Взбегаем лесенкой крутой
В наш мезонин – всегда весенний
И золотой.

Где невозможный беспорядок,
Где точно разразился гром
Над этим ворохом тетрадок
Еще с пером.

Над этим полчищем шарманок,
Картонных кукол и зверей,
Полуобгрызенных баранок,
Календарей,

Неописуемых коробок,
С вещами не на всякий вкус,
Пустых флакончиков без пробок,
Стеклянных бус —

Чьи ослепительные грозди
– Clinquantes, éclatantes grappes¹¹ —
Звеня опутывают гвозди
Для наших шляп.

Садимся – смотрим – знаем – любим,
И чуем, не спуская глаз,
Что за него себя погубим,
А он – за нас.

Два скакуна в огне и мыле —
Вот мы! – Лови, когда не лень!

¹¹ Звенящие, лопающиеся гроздь (фр.).

Мы говорим о том, как жили
Вчерашний день.

О том, как бегали по зале
Сегодня ночью при луне
И что и как ему сказали
Потом во сне.

И как – и мы уже в экстазе! —
За наш непокоримый дух
Начальство наших двух гимназий
Нас гонит двух.

Как никогда не выйдем замуж,
– Так и останемся втроем! —
О, никогда не выйдем замуж,
Скорей умрем!

Как жизнь уже давным-давно нам —
Сукно игорное: – vivat!¹²
За Иоанном – в рай, за доном
Жуаном – в ад.

.....

Жерло заговорившей Этны —
Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный
Водоворот.

¹² Да здравствует! (лат.)

Здесь и проклятья, и осанна,
Здесь все сжигает и горит.
О всем, что в мире несказанно,
Он говорит.

Нас – нам казалось – насмерть рая
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз

С шипеньем раздраженной кобры,
Он клял вселенную и нас, —
И снова становился добрый...
Почти на час.

Чревовещание – девизы —
Витийства – о король плутов!
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.

.....

Среди пятипудовых теток
Он с виду весит ровно пуд:
Так легкий, резок, строен, четок,
Так страшно худ.

Да нет – он ничего не весит!
Он ангельски – бесплотно – юн!

Его лицо, как юный месяц
Меж полных лун.

Упершись в руку подбородком,
– О том, как вечера тихи,
Читает он. – Как можно теткам
Читать стихи?!

.....

О, как он мил и как сначала
Преувеличенно учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив

Свои магические руки,
Умеет – берегись сосед! —
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.

Но вдруг – безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом.

Еще за полсекунды чинный,
Уж с пеной у рта взвел курок.
– Прощай, уют и именинный,
Прощай, пирог!

.....

Чай кончен. — Удлинились тени.
И домурлыкал самовар.
Скорей, на свежий, на весенний
Тверской бульвар!

Нам так довольно о Бодлере!
Пусть ветер веет нам в лицо!
Поют по-гоголевски двери,
Скрипит крыльцо. —

В больших широкополых шляпах
Мы, кажется, еще милей...
И этот запах, этот запах
От тополей.

.....

Бульвар сверкает. По дорожке
Косые длинные лучи.
Бегут серсо, за ними ножки,
Летят мячи,

Другие остаются в сетках.
Вот мальчик в шапочке «Варяг»
На платьице в шотландских клетках
Направил шаг.

Сияют кудри, щечки, глазки,
Ревун надулся и охрип.

Скрипят колесами коляски,
– Протяжный скрип. —

Там мама наблюдает зорко
За девочкой с косой, как медь.
В одной руке ее – ведро,
В другой – медведь.

Какой-то мальчик просит каши.
О, как он, бедный, не дорос
До гимназической фуражки
И папирос!

О вейтесь, кудри, вейтесь, ленты!
Увы, обратно нет путей!
Проходят парами студенты
Среди детей.

Играет солнце по аллеям...
– Как жизнь прелестна и проста! —
Нам ровно тридцать лет обеим:
Его лета.

.....

О как вас перескажешь ныне —
Четырнадцать – шестнадцать лет!
Идем, наш рыцарь посредине,
Наш свой – поэт.

Мы по бокам, как два привеска,
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зеленый глаз.

Крутое острое бородки,
Как злое острое клинка,
Точеный нос и очерк четкий
Воротничка.

(– Кто с нашим рыцарем бродячим
Теперь бредет в луче златом?.. —)
Над раскаленным, вурдалачьим
Тяжелым ртом, —

Уса, взлетевшего высоко,
Надменное полукольцо...
– И все заглядываем сбоку
Ему в лицо.

А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.

.....

На всем закат пылает алый,
Пылают где-то купола,
Пылают окна нашей залы

И зеркала.

Из черной глубины рояля
Пылают грозди алых роз.
– «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос,

Но шел за мной по всем дорогам
Тот, кто присутствует и здесь.
Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь.

Две правды – два пути – две силы —
Две бездны: Данте и Бодлер!»
О, как он по-французски, милый,
Картавил «эр».

Но, милый, Данте ты оставишь,
И с ним Бодлера, дорогой!
Тихонько нажимаем клавиш,
За ним другой —

И звуки – роем пчел из улья —
Жужжат и вьются – кто был прав?! —
Наш Рыцарь Розы через стулья
Летит стремглав.

Он, чуть ли не вселенной старше —
Мальчишка с головы до пят!

По первому аккорду марша
Он весь – солдат!

Чу! – Звон трубы! – Чу! – Конский топот,
Треск барабана! – Кивера!
Ах, к черту ум и к черту опыт!
Ура! Ура!

Он Тот, в чьих белых пальцах сжаты
Сердца и судьбы, сжат весь мир.
На нем зеленый и помятый
Простой мундир.

Он Тот, кто у кремлевских башен
Стоял во весь свой малый рост.
В чьи вольные цвета окрашен
Аркольский мост.

.....

Должно быть, бледны наши лица,
Стук сердца разрывает грудь.
Нет времени остановиться,
Нет сил – вздохнуть.

Магической силой руки
По клавишам – уже летят!
Гремят вскипающие звуки,
Как водопад.

Цирк, раскаленный, как Сахара,
Сонм рыжекудых королев.
Две гордости земного шара:
Дитя и лев.

Под куполом — как царь в чертоге —
Красуется британский флаг.
Расставив клетчатые ноги,
Упал дурак...

В плаще из разноцветных блесток,
Под говор напряженных струн
На площадь вылетел подросток,
Как утро — юн!

— Привет, миледи и милорды!
Уже канат дрожит тугой
Под этой маленькой и твердой
Его ногой.

В своей чешуйке многозвездной,
— Закончив резвый пируэт —
Он улыбается над бездной,
Подняв берет.

.....

Рояль умолкнул. Дребезжащий
Откуда-то — на смену — звук.
Играет музыкальный ящик,

Старинный друг,

Весь век до хрипоты, до стога,

Игравший трио этих пьес:

Марш кукол – Auf der Blauen Donau¹³ —

И экосез.

В мир голосов и гобеленов

Открылась тайная тропа.

О, рай златоволосых венков!

О, вальс в три па!

Под вальс невинный, вальс старинный

Танцуют наши три весны,

Холодным зеркалом гостиной —

Отражены.

Так, залу окружив трикраты,

— Тройной тоскующий тростник —

Вплываем в царство белых статуй

И старых книг.

.....

На вышке шкафа, сер и пылен,

Видавший лучшие лета,

Угрюмо восседает филин

С лицом кота.

¹³ На голубом Дунае (нем.).

С набитым филином в соседстве
Спит Зевс, тот непонятный дед,
Которым нас пугали в детстве,
Что – людоед.

Как переполненные соты —
Ряд книжных полок. – Тронул блик
Пергаментные переплеты
Старинных книг.

Цвет Греции и слава Рима, —
Неисчислимы тома!
Здесь – сколько б солнца ни внесли мы —
Всегда зима.

Последним солнцем розовея,
Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона – план Музея —
И всё – как сон.

.....

Уже везде по дому ставни
Захлопываются, стуча.
В гостиной – где пожар недавний? —
Уж ни луча.

Все меньше и все меньше света,
Все ближе и все ближе стук...
Уж половина кабинета

Ослепла вдруг.

Еще единым мутным глазом
Белеет левое окно.
Но ставни стукнули – и разом
Совсем темно.

Самозабвение – нирвана —
Что, фениксы, попались в сеть?! —
На дальних валиках дивана
Не усидеть!

Уже в углу вздохнуло что-то,
И что-то дрогнуло чуть-чуть.
Тихонько скрипнули ворота:
Кому-то в путь.

Иль кто-то держит путь обратный
– Уж наши руки стали льдом —
В замороженный, невозвратный
Наш старый дом.

Мать под землей, – отец в Каире...
Еще какое-то пятно!
Уже ничто смешное в мире
Нам не смешно.

Уже мы поняли без слова,
Что белое у шкафа – гроб.

И сердце, растеряв подковы,
Летит в галоп.
.....

– «Есть в мире ночь. Она беззвездна.
Есть в мире дух, он весь – обман.
Есть мир. Ему название – бездна
И океан.

Кто в этом океане плавал —
Тому обратно нет путей!
Я в нем погиб. – Обратно, Дьявол!
Не тронь детей!

А вы, безудержные дети,
С умом пронзительным, как лед, —
С безумьем всех тысячелетий!
Вы, в ком поет

И жалуется и томится —
Вся несказанная земля!
Вы, розы, вы, ручьи, вы, птицы,
Вы, тополя —

Вы, мертвых Лазарей из гроба
Толкающие в зелень лип,
Вы, без кого давным-давно бы
Уже погиб

Наш мир – до призрачности зыбкий
На трех своих гнилых китах —
– О золотые рыбки! – Скрипки
В моих руках! —

В короткой юбочке нелепой
Несущие богам – миры,
Ко мне прижавшиеся слепо,
Как две сестры,

Вы, чей отец сейчас в Каире,
Чьей матери остыл и след —
Узнайте, вам обеим в мире
Спасенья нет!

Хотите, – я сорву повязку?
Я вам открою новый путь?»
– «Нет, – лучше расскажите сказку
Про что-нибудь...»

.....

– О Эллис! – прелесть, юность, свежесть.
Невинный и волшебный вздор!
Плач ангела! – Зубовный скрежет!
Святой танцор.

Без думы о насущном хлебе
Живущий – чем и как – Бог весть!
Не знаю, есть ли Бог на небе! —

Но, если есть —

Уже сейчас, на этом свете,
Все до единого грехи
Тебе отпущены за эти
Мои стихи.

О Эллис! – Рыцарь без измены!
Сын голубейшей из отчизн!
С тобою раздвигались стены
В иную жизнь...

– Где б ни сомкнулись наши веки
В безлюдии каких пустынь —
Ты – наш и мы – твои. Во веки
Веков. Аминь.

Феодосия,

15 февраля – 4 мая 1914

С. Я. Парнок (1885–1933)

Подруга

1

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!

Я Вас люблю. – Как грозовая туча

Над Вами – грех —
За то, что Вы язвительны, и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни – разные
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобий,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то – что – неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы – не он.

16 октября 1914

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? —
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски – наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабания
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот, —
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
– А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
– А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
– Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий – рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, —
Сильнее, чем я – желанной.

– Oh, je n'en puis plus, j'étouffe!¹⁴ —
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд —
Не более – вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей – без гнева.

¹⁴ О, я больше не могу, я задыхаюсь! (*фр.*)

Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева.

26 октября 1914

6

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распушен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц – юн и тонок —
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслетов,
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
Спутники твои ревнивы? —
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

Как весело сиял снежинками
Ваш – серый, мой – соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась – шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки – парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я ее хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник – желтую свечу...

– О, светская, с кольцом опаловым
Рука! – О, вся моя напасть! —
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!

Как в монастырскую гостиницу
– Гул колокольный и закат —
Блаженные, как имянинницы,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам – хорошеть до старости —
Клялась – и просыпала соль,
Как трижды мне – Вы были в ярости! —
Червонный выходил король.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...

Декабрь 1914

8

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто – лета,
Кто – край ее, кто – век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

До умиленности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И – в серебре – опал.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

10 января 1915

Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне – слишком вечная,
Чтоб была ты мне – первой встречною.

Сердце сразу сказала: «Милая!»
Всё тебе – наугад – простила я,
Ничего не зная, – даже имени! —
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я по губам – извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется – приступом!

Платье – шелковым черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Все в тебе мне до боли нравится, —
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок – стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный – с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой, —
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, —
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

10

Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose¹⁵ и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я – в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы – в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом – без малейшей краски,

¹⁵ Модных в то время духов.

Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, —
Но что-то сильнее меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутливом тоне:
«Знакомьтесь же, господа».

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, —
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню — над синей вазой —

Как звякнули наши рюмки.
«О, будьте моим Орестом!»
И я Вам дала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили – платок.

28 января 1915

11

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, —

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
– Он тебе знаком —
Все проснется – только свистни
Под моим окном.

22 февраля 1915

12

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом – пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, – должно быть,
Выздоровливаю от зимы.

А иду домой возможно тише:
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колес и жареный миндаль дороже
Всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе едва нагретом...
Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза – кого-кого-то
Взглядом не дарят! —
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью – видит Бог! —
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
– Все равно – канун! —
Этот рот до поцелуя

Твоего был юн.

Взгляд – до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

14

Есть имена, как душистые цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. – Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. – Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?

Вознесение, 1915

15

Хочу у зеркала, где муть

И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними – вóроны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

16

В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,
Звон – под конем – кремня,
Стройный прыжок с коня,
И – в самоцветных зернах —
Два челночка узорных.

А во второй – другой —

Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила...

— Что от меня останется
В сердце твоём, странница?

14 июля 1915

17

Вспомните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... — Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

«Руки, которые не нужны...»

Руки, которые не нужны
Милому, служат – Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.

Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен – Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

«И не спасут ни стансы, ни созвездья...»

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется – возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,
– Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была – как снег, что здесь, под левой грудью —
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

«Душа, не знающая меры...»

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа – навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут

Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
– Саванароловой сестра —
Душа, достойная костра!

27 апреля 1921

«Косматая звезда...»

Косматая звезда,
Спешащая в никуда
Из страшного ниоткуда.
Между прочих овец приبلуда,
В златорунные те стада
Налетающая, как Ревность —
Волосатая звезда древних!

27 апреля 1921

«О первое солнце над первым лбом!...»

О первое солнце над первым лбом!
И эти – на солнце прямо —
Дымящие – черным двойным жерлом —
Большие глаза Адама.

О первая ревность, о первый яд

Змеинный – под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!

27 апреля 1921

«Блаженны дочерей твоих, Земля...»

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.
Так лавр растет, – жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

4 октября 1921

«Не приземист – высокоросл...»

Не приземист – высокоросл

Стан над выравненностью грядок.
В густоте кормовых ремесл
Хоровых не забыли радуг.

Сплю – и с каждым батрацким днем
Тверже в памяти благородной,
Что когда-нибудь отдохнем
В верхнем городе Леонардо.

27 января 1922

Дочь Иаира

1

Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!) и с красотой.
Этот просторный покрой
Юным к лицу.

2

В просторах покроя —
Потерянность тела,
Посмертная сквозь.

Девушка, не скроешь,
Что кость захотела
От косточки врозь.

Зачем, равнодушный,
Противу закону
Спешащей реки —

Слез женских послушал
И отчего стону —
Душе вопреки!

Сказал – и воскресла,
И смутно, по памяти,
В мир хлеба и лжи.

Но поступь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свежи.

И всё как спросонья
Немеют конечности.
И в самый базар

С дороги не тронется

Отвесной. – То Вечности
Бессмертный загар.

Привыкнет – и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...

То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.

Рукой его согнута,
Смеется – всё заново!
Всё роза и гроздь!

Но между любовником
И ею – как занавес
Посмертная сквозь.

3–4 февраля 1922

Сивилла

1

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол,

Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев.

Державным жеревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками – в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...
– так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа 1922

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое – пещера
Голоса твоего.

Недрами – в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневевет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа 1922

Сивилла – младенцу¹⁶:

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение – паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение – паденье в час!

Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение – паденье в кровь.

И в прах...
И в час...

Где зарева его чудес?

¹⁶ Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности. (Прим. М. Цветаевой.)

Плачь, маленький: рожденье в вес!

Где залежи его щедрот?

Плачь, маленький: рожденье в счет.

И в кровь...

И в пот...

Но встанешь! То, что в мире смертью

Названо, – паденье в твердь.

Но узришь! То, что мире – век

Смежение – рожденье в свет.

Из днесь —

В навек.

Смерть, маленький, не спать, а встать,

Не спать, а вспять.

Вплавь, маленький! Уже ступень

Оставлена...

– Восстанье в день.

17 мая 1923

Деревья

Моему чешскому другу

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь.

– Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! —
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств.

Сняв и отринув
Ключья последней парчи —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью,

(Ибо вожатый – суров.)

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой – опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами —

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями —

Деревья! К вам иду! Спастись
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всею корнем шествующий!

Ивы-провидицы мои!
Березы девственницы!

Вяз – яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна – ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки – плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаей
Нимф-охранительниц – и вдруг,
Горивы взметая

В закинутости лбов и рук,

– Свиток развитый! —
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1923

4

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! – Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День – в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огонь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн —
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5

Беглецы? – Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чашах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей —
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче – наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес —

Это – в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это – сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья —
В сухолистом потоке!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая – кто видел?! —
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

6

Не краской, не кистью!
Свет – царство его, ибо сед.
Ложь – красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет – цветущей пятою на грудь.
Не в этом, не в этом

ли: тайна, и сила и суть

Осеннего леса?

Над тихою заводью дней

Как будто завеса

Рванулась – и грозно за ней...

Как будто бы сына

Провидишь сквозь ризу разлук —

Слова: Палестина

Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквожение...

Сквозь трепетов мелкую вязь —

Свет, смерти блаженнее

И – обрывается связь.

* * *

Осенняя седость.

Ты, Гётевский апофеоз!

Здесь многое спелось,

А больше еще – расплелось.

Так светят седины:

Так древние главы семьи —

Последнего сына,

Последнейшего из семи —

В последние двери —

Простертым свечением рук...

(Я краске не верю!

Здесь пурпур – последний из слуг!)

...Уже и не светом:

Каким-то свеченьем светясь...

Не в этом, не в этом

ли – и обрывается связь.

Так светят пустыни.

И – больше сказав, чем могла:

Пески Палестины,

Элизиума купола...

8–9 октября 1922

7

Та, что без видения спала —

Вздрогнула и встала.

В строгой постепенности псалма,

Зрительною скáлой —

Сонмы просыпающихся тел:

Руки! – Руки! – Руки!

Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) – и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих – птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясицу

Выпростав из гробовых пелен —
Взлет седобородый:
Есмь! – Переселенье! – Легион!
Целые народы

Выходцев! – На милость и на гнев!
Види! – Буди! – Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

12 октября 1922

У деревьев – жесты трагедий.
Иудеи – жертвенный танец!
У деревьев – трепеты таинств.

Это – заговор против века:
Веса, счета, времена, дробь.
Се – разодранная завеса:
У деревьев – жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо – как въезд.
У деревьев – жесты торжеств.

7 мая 1923

9

Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистовой
Сивиллы таинствами —
О чем шумите вы,
О чем беспмятствуете?

Что в вашем веянии?
Но знаю – лечите

Обиду Времени —
Прохладой Вечности.

Но юным гением
Восстав — порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля — *казалась* нам.
Чтобы *под веками*
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес — не чваниться!
Чтобы *под веками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! — В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли — листьями?
Сивилла ль — выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923¹⁷

Бог

1

Лицо без обличия.
Строгость. – Прелесть.
Всё ризы делившие
В тебе спелись.

Листою опавшею,
Щебнем рыхлым.
Всё криком кричавшие
В тебе стихли.

Победа над ржавчиной —
Кровью – сталью.
Всё навзничь лежавшие
В тебе встали.

1 октября 1922

¹⁷ Два последних стихотворения перенесены сюда из будущего по внутренней принадлежности. (Прим. М. Цветаевой.)

Нищих и горлиц
Сирый распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге деревьев?

Рощ, перелесков.
Книги и храмы
Людам отдав – взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:

– Скроем! – Не выдадим!

Следом гусиным
Землю на сон крестил.

Даже осиною
Мчал – и ее простил:
Даже за сына!

Нищие пели:
– Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
– Сброшен последний крест!

Бог из церквей воскрес!

4 октября 1922

3

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...

Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог – уходит от нас.

О, его не приучите
К пребыванию и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он – седой ледоход.

О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог – ручкою бегонией
На окне не цветет!

Все под кровлею сводчатой
Ждали зова и зодчего.

И поэты и летчики —
Всё отчаивались.

Ибо Бог он — и движется,
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы —
След плаща его лишь!

5 октября 1922

Скифские

1

Из недр и на ветвь — рысями!
Из недр и на ветер — свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!
Крутого крыла грифова
Последняя зга — Скифия!

Сосед, не спеши! Нечего
Спешить, коли верст — тысячи.
Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там — спишемся!

Великая – и – тихая
Меж мной и тобой – Скифия...

И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами – и – лютнями
Глуша...

Не ушам смертного —

(Единожды в век слышимый)
Эпический бег – Скифии!

11 февраля 1923

2

(Колыбельная)

Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да...
– Спи,
Синь подушками глуша.

Дыши да не дунь,

Гляди да не глянь.
Волян-криволунь,
Хвалын-колывань.

Как по льстивой по трости
Росным бисером плеща
Заработают персты...
Шаг – подушками глуша.

Лежи – да не двинь,
Дрожи – да не грянь.
Волян-перелынь,
Хвалын-завираль.

Как из моря из Каспий —
ского – синего плаща,
Стрела свистнула да...
 (спи,
Смерть подушками глуша)...

Лови – да не тронь,
Тони – да не кань.
Волян-перезвонь,
Хвалын-целовань.

13 февраля 1923

От стрел и от чар,
От гнезд и от нор,
Богиня Иштар,
Храни мой шатер:

Братьев, сестер.

Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...

(Взял меня – хан!)

Чтоб не жил, кто стар,
Чтоб не жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:

(Пламень востер!)

Чтоб не жил – кто стар,
Чтоб не жил – кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел

(Зарев и смол!)

Чтоб не́ жил – кто стар,

Чтоб *нежил* – кто юн!

Богиня Иштар,

Стреми мой табун

В тридевять лун!

14 февраля 1923

Облака

1

Перекрытые – как битвой

Взрыхленные небеса.

Рытвинами – небеса.

Битвенные небеса.

Перелетами – как хлёстом

Хлёстанные табуны.

Взблестывающей Луны

Вдовствующей – табуны!

2

Стой! Не Федры ли под небом
Плащ? Не Федрин ли взвился
В эти марафонским бегом
Мчащиеся небеса!

Стой! Иродиады с чубом —
Блуд... Не бубен ли взвился
В эти иерихонским трубом
Рвущиеся небеса!

3

Нет! Вставший вал!
Пал – и пророк оправдан!
Раз – дался вал:
Целое море – на два!

Бо – род и грив
Шестие морем Чермным!
Нет! – се – Юдифь —
Голову Олоферна!

1 мая 1923

Ручьи

1

Прорицаниями рокоча,
Нераскаянного скрипача
Piccicato'ми... Разрывом бус!
Паганиниевскими «добьюсь!»
Опрокинутыми...

Нот, планет —

Ливнем!

– Вывезет!!!

– Конец... На нет...

Недосказанностями тишизн
Заговаривающие жизнь:
Страдивариусами в ночи
Проливающиеся ручьи.

4 мая 1923

Монистом, расколотым
На тысячу блях —
Как Дзингара в золоте
Деревня в ручьях.

Монистами – вымылась!
Несется как челн
В ручьёвую жимолость
Окунутый холм.

Монистами-сбруями...
(Гривастых теней
Монистами! Сбруями
Пропавших коней...)

Монистами-бусами...
(Гривастых монет
Монистами! Бусами
Пропавших планет...)

По кручам, по впадинам,
И в щеку, и в пах —
Как Дзингара в краденном —
Деревня в ручьях.

Споем-ка на радостях!
Черны, горячи
Сторонкою крадучись
Цыганят ручьи.

6 мая 1923

Окно

Атлантским и сладостным
Дыханьем весны —
Огромною бабочкой
Мой занавес – и —

Вдовою индусскою
В жерло златоустое,
Наядою сонною
В моря законные...

5 мая 1923

Час души

В глубокий час души и ночи,
Нечислящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Нечислящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой
– Без памяти и по края! —
Покоящиеся...

Отсюда
Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим

Потерянностям... Всё покровы
Сняв – выросшая из потерь! —
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонила дочь

Египетская...

14 июля 1923

В глубокий час души,

В глубокий – нóчи...
(Гигантский шаг души,
Души в нóчи)

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить – чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы – снегом.
(Атлантский вздох души,
Души – в нóчи...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы —

Час... Час Души – как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. – Плотины спуск!
Всё вещи сорвались с пазов,
Всё сокровенья – с уст!

С глаз – всё завесы! Всё следы —
Вспять! На линейках – нот —
Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей – бьет.

Беда моя! – так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети – мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. – Ляг»,
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей – благ.

14 августа 1923

«Не спать для кого-нибудь...»

Не спать *для* кого-нибудь – да! (шить, переписывать).

Не спать *над* кем-нибудь – да!

Не спать *из-за* кого-нибудь – ну, нет!

Сон

1

Врылась, забылась – и вот как с тысяче —
футовой лестницы без перил.

С хищностью следователя и сыщика
Всё мои тайны – сон перерыл.

Сопки – казалось бы, прочно замерли —
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко – как следователь по камере
Сердца – расхаживает Морфей.

Вы! собирательное убожество!

Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как на перинах лёжачи
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло —
Тщетно! — уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Всё мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Всё мои тайны — сон перетряс!

24 ноября 1924

2

В мозгу ухаб пролёжан, —
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны:

Сновидеть: рай Данилов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный, – стен не видеть!
В постель иду – затем.

Разведены с Мартыном
Задекою – не всё!
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!

Занежат, – лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного заспят.

Спать! Потолок как короб
Снять! Синевой запить!
В постель иду как в прорубь:
Вас, – не себя топить!

Заокеанских тропик
Прель, Индостана – ил...
В постель иду как в пропасть:
Перины – *без* перил!

26 ноября 1924

«Жизнь я прожила в случайных местах...»

Жизнь я прожила в случайных местах, с случайными людьми, без всякой попытки корректива.

Наибольшим событием (и наидлительнейшим) *своей* жизни считаю Наполеона.

Все события *моей* жизни настолько меньше *моей силы* и *моей жажды*, что я в них просто не вмешиваюсь: чего тут исправлять!

Всё это: случайность людей и мест – отлично зная *свою* породу людей (душ) и мест, узнавая их в веках и на картинах по первому взгляду (что *вовсе* не значит, что когда-то здесь, с ними – жила! О *другом* узнавании говорю, об узнавании: не-воспоминании!).

«Строить свою жизнь» – да, если бы на это были даны все времена и вся карта. А выбирать – друзей – из сотни, места – из десятка мест – лучше совсем не вмешиваться, дать жизни (случайности) самочинствовать до конца.

И в это неправое дело – не вмешиваюсь.

* * *

Чувствую свой посмертный вес.

«Высокомерье – каста...»

Высокомерье – каста:
Чем недохват – отказ.
Что́ говорить: не часто!
В тысячелетье – раз.

Всё, что сказала – крайний
Крик (морякам знаком!)
А остальное – тайна:
Вырежут с языком.

16 мая 1925
(на прогулке)

«Закрыв глаза – раз и́наче нельзя...»

Закрыв глаза – раз и́наче нельзя —
(А и́наче – нельзя!) закрыв глаза
На бывшее (чем топтаннее травка —
Там гуще лишь!), но ждущее – да завтра ж!
Не ждущее уже: смерть, у меня
Не ждущая до завтрашнего дня...

Так, опустив глубокую завесу,
Закрыв глаза, как за́навес над пьесой:

Над местом, по которому метла...
(А голова, как комната – светла!)
На голову свою —
— да попросту — от света

Закрыв глаза, и не закрыв, а сжав —
Всем существом в ребро, в плечо, в рукав
— Как скрипачу вовек не разучиться! —
В знакомую, глубокую ключицу —
В тот жаркий ключ, изустный и живой —
Что нам воды — *дороже* — ключевой.

Сентябрь 1932

Куст

1

Что́ нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую – голову прячу
В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плéщи, и гуще —
Что́ нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,
Что только кустом не пуста:
Окном моим всех захолустий!
Что, полная чаша куста,
Находишь на сем – месте пуста?
Эолова арфа куста!

Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?
Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Предавши бессмертную силу —
Да разве я *то* говорю,
Что знала, – пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду – как только умолкну.

А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человеческий! —
А мне от куста – тишины:
Той – между молчаньем и речью,

Той – можешь ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той – *до* всего, *после* всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Всё соединилось – в котором.

Как будто бы все кувшины
Востока – на знойное всхолмье.
Такой от куста – тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934

Любовь, Любовь...

Поэма Горы

*Liebster, Dich wundert die Rede? Alle Scheidenden
reden wie Trunkene und nehmen gerne sich festlich...*
*Hölderlin*¹⁸

Посвящение

Вздригнешь – и горы с плеч,
И душа – горé.
Дай мне о горé спеть:
О моей горе!

Черной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горé спеть
На верху горы.

¹⁸ О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... Гёльдерлин. – М. Ц.

Та гора была как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.
— Океан в ушную раковину
Вдруг-ворвавшимся ура! —
та гора гнала и ратовала.

Та гора была как гром!
Грудь, титанами разыгранная!
(Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?)

Та гора была — миры!
Бог за мир взывает дорого!

.....

Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай,
Просто голый казарменный
Холм. – Равняйся! Стреляй! —
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была – рай?

3

Как на ладони поданный
Рай – не берись, коль жгуч!
Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.

Как бы титана лапами
Кустарников и хвой —
Гора хватала за́ полы,
Приказывала: стой!

О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,

Притягивала: ляг!

Оторопел под натиском,
– Как? Не понять и днесь! —
Гора, как сводня – святости,
Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое,
Как забыть тебя в стужах зим?
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец.

5

Не обман – страсть, и не вымысел!
И не лжет, – только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы

Простолюдинами любви!

О когда б, здраво и по́просту:
Просто – холм, просто – бугор...
Говорят – тягою к пропасти
Измеряют уровень гор.

В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда – над уровнем
Жизни)
– На́ же меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увы!
Оттого что в сей мир явились мы —
Небожителями любви!

6

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ непреложнейшее родство!

Гора говорила, что коемужды
Сбудется – по *слезам* его.

Еще горевала гора, что табор —
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!

Еще говорила, что это демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила. Мы были немые.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет – что ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет – что ныне: и Мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем, другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.

Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев: долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе:
Завтра! Не сразу! Когда над лбом —
Уже не – *memento*¹⁹, – а просто – *море!*
Завтра, когда пойдем.

Звук... ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи —

В жизнь, про которую знаем всё мы:
Сброд – рынок – барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор – пишутся – *так*.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до ночи мы

¹⁹ Memento mori – помни о смерти (*лат.*).

Жизнь свою – как карту бьем!
Страстные, *не быть* упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами —

Чтите мой угрюмый грот.
(Грот – была, и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь – на исходе пригорода?

Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям!

.....

Горе началось с горы.
Та гора на мне – надгробием.

9

Минут годы. И вот – означенный
Камень, плоским смененный, снят²⁰.
Нашу гору застроят дачами,
Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.

²⁰ То есть вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита). – М. Ц.

И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои – вверх дном!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Дома в счастье, и *счастья* – в дом!

Счастья – в *доме*! Любви без вымыслов!
Без вытя – гивания жил!
Надо женщиной быть – и вынести!
(Было-было, когда ходил,

Счастье – в *доме*!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет: мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе,
– Пока можешь еще – греши! —
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора – игры.
Есть беспутные, нет – беспамятных:
Горы времени – у горы!

По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, —
Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками – Везувия
Не сковать! Великана – льном
Не связать! *Одного* безумия
Уст – достаточно, чтобы львом

Виноградники за – ворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами – сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Твёрже камня краугольного,
Клятвой смертника на одре:
Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Послесловие

Есть пробелы в памяти – бельма
На глазах: семь покрывал.
Я не помню тебя отдельно.
Вместо чёрт – белый провал.

Без примет. Белым пробелом —
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана – сплошь.) Частности мелом
Отмечать – дело портных.

Небосвод – цельным основан.
Океан – скопище брызг?!
Без примет. Верно – особый —
Весь. Любовь – связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти —
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть — делит на части?
Часовщик я, или врач?

Ты как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, *полный* столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы —
Новизной, странной для слуха,
Вместо: я — тронное: мы...)

Но зато, в нищей и тесной
Жизнь: «жизнь, как она есть» —
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
— памяти мечь!

Прага. Гора,
1 января – 1 февраля 1924

Поэма Конца

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на назначенном месте,
Как судьба.

– Бёз четверти. Исправен?
– Смерть не ждет.
Преувеличенно-плавен
Шляпы взлет.

В каждой реснице – вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно-низок
Был поклон.

– Бёз четверти. Точен? —
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!

Небо дурных предвестий:

Ржавь и жечь.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так – государыням руку,
Мертвым – так...

Мчащийся простолюдин
Локтем – в бок.
Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.

Взвыл, – как собака взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)

То, что вчера – по пояс,
Вдруг – до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.
– Час? Седьмой.
В кинематограф, или?... —
Взрыв: Домой!

Братство таборное, —
 Вот куда вело!
 Громом на голову,
 Саблей наголо́,

Всеми ужасами
 Слов, которых ждем,
 Домом рушащимся —
 Слово: дом.

.....

Заблудшего баловня
 Вопль: домой!
 Дитя годовалое:
 «Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,
 Мой зноб и зной,
 Так из дому рвутся,
 Как ты — домой!

.....

Конем, рванувшим коновязь —
 Ввысь! — и веревка в прах.
 — Но никакого дома ведь!

– Есть, – в десяти шагах:

Дом на горе. – Не выше ли?

– Дом на верху горы.

Окно под самой крышею.

– *«Не от одной зари*

Горящее?» Так сызнова

Жизнь? – Простота поэм!

Дом, это значит: из дому

В ночь.

(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,

Жуть, зеленее льда?..)

– Вы слишком много думали. —

Задумчивое: – Да.

3

И – набережная. Воды

Держусь, как толщи плотной.

Семирамидины сады

Висячие – так вот вы!

Воды – стальная полоса

Мертвецкого оттенка —

Держусь, как нотного листка
Певица, края стенки —

Слепец... Обратно не отдать?
Нет? Наклонюсь — услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши

Лунатик...

Но не от реки
Дрожь — рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом —

И верен...

Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны —
Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
— Нам с вами нужно бы...
(Озноб.)
— Мы мужественны будем?

Тумана белокурого
Волна – воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное – насказано!

Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное – насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: *это* вот —
Наш дом? – Не я хозяйкою!)
Один – над книжкой чековой,
Другой – над ручкой лайковой,
А тот – над ножкой лаковой
Работает тишком.

...Коммерческими браками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное – натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь – не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы – телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Чёрт – газовым рожком.

...Коммерческими крахами
И неким порошком —
Бертольда Шварца...

Даровит

Был – и заступник людям.
– Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

Движение губ ловлю.
И знаю – не скажет первым.
– Не любите? – Нет, люблю.
– Не любите! – Но истерзан,
Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
– Помилуйте, *это* – дом?
– Дом – в сердце моем. —
Словесность!

Любовь, это плоть и кровь.
Цвет – собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?

Часочек – и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
– Храм?
Дитя, замените шрамом

На шраме! – Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь – это значит лук
Натянутый: лук: разлука».)

– Любовь, это значит – связь.
Всё врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы
И страсти. Memento²¹ – паром:
Любовь – это все дары
В костер, – и всегда – задаром!)

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка – опись.
– И прежде всего одна
Постель.
– Вы хотели пропасть

Сказать? – Барабанный бой
Перстов. – Не горами двигать!
Любовь, это значит...
– Мой.
Я вас понимаю. Вывод?

.....

Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)
– Уедем. – А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

²¹ Здесь: память (лат.).

Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
– Любовь, это значит: жизнь.
– Нет, иначе называлось

У древних...
– Итак? —
Лоскут

Платка в кулаке, как рыба.
– Так едемте? – Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец – на выбор!

Смерть – и никаких устройств!
– Жизнь! – Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.
– Тогда простимся.

6

– Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть – это дело тел,
А мы друг для друга – души
Отныне...) – И не сказал.

(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаете...) – Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) – Внятно: слог
За слогом, итак – простимся,
Сказали вы? (Как платок,
В час сладостного бесчинства

Уроненный...) – Битвы сей
Вы – Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику – как трофей,
Им отданную же шпагу

Вручать!) – Продолжает. (Звон
В ушах...) – Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. – Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости. – Смешок. Сквозь смех —
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть, это дело – *тех*,
А мы друг для друга – тени

Отныне...) Последний гвоздь
Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
– Последнейшая из просьб.
– Прошу. – Никогда ни слова

О нас... никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые – в весну!)
– О том же и вас просила б.

Колечко на память дать? – Нет.
– Взгляд, широко —
 разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
– Но книгу тебе? – Как всем?
Нет, вовсе их не пишите,

Книг...

.....

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.

В наших бродящих
Братствах рыбачьих
Пляшут – не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят – не плачут.

Жемчуг в стакане
Плавают – и миром
Правят – не плачут.

– Так я ухожу? – Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей – как кость
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И – чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.

Плакать не буду.

Самую крепость —
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродящих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

– Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...
– Срочно

Прошу, не глядите! – Взгляд. —
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) – Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:

– Милый, уйдемте,
Плакать начну!

Забыла! Среди копилочек
Живых (коммерсантов – тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая – менады мех! —
Голконда волосяная,
Сокровищница утех —

(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, – где тропа

Назад? Наготовою грубой
Дразня и слепя до слез —
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.

– Не правда ли? – Лгнущий,
мнущий
Взгляд. В каждой реснице – зуд.
– И главное – эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О, рвущий уже одежды —
Жест! Проще, чем пить и есть —
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И – сестрински или братски?
Союзнически: союз!
– Не похоронив – смеяться!
(И похоронив – смеюсь.)

7

И – набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки —

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшащимися сопреступниками
Бредем. (Убитое – Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
– Вы понимаете, что будущее —
Там? – Запрокидываюсь вспять.

– Спать! – Новобрачными
по коврику...

– Спать! – Всё не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: – Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне *душою* – на руку
Лег! – На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, – на душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Что радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. – Я таких не знаю набережных
Кончающихся. – Мост, и: – Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо – койных глаз
Взлет. – Можно до дому?
В по – следний раз!

По – следний мост.
 (Руки не отдам, не выну!)
 Последний мост,
 Последняя мостовина.

Во – да твердь.
 Выкладываю монеты.
 День – га за смерть,
 Харонова мзда за Лету.

Мо – неты тень
 В руке теневой. Без звука
 Мо – неты – тем.
 Итак, в теневую руку —

Мо – неты тень.
 Без отсвета и без звяка.
 Мо – неты – тем.
 С умерших довольно маков.

Мост.

.....

Бла – гая часть
 Любовников без надежды:

Мост, ты – как страсть:
Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,
Ребро – потому и лну так.
Ни *до*, ни *по*:
Прозрения промежутки!

Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь – в боку!
Он – ухо и он же – эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиама,
Что – ваш союз?
Та женщина – помнишь: мамой

Звал? всё и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Те – бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!

Сбылись! На груди баюкал!
Не брошусь вниз!
Нырять – отпускать бы руку

При – шлось. И жмусь,
И жмусь... И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник – сплошное мимо!

Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плю – щом впилась,
Клещом: вырывают с корнем!

Как плющ! как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро – сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи

Не читившей в сём
Вещественном мире дутым!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью – утро,

Эк – спресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.

Про – гал глубоко:
Последнею кровью грею.
Про – слушай бок!
Ведь это куда вернее

Сти – хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска – жи, что бред!
Что нет и не будет мосту

Кон – ца...
– Конец.

.....

– Здесь? – Детский, божеский
Жест. – Ну-с? – Впилась.
– Е-ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей и вдов

От друзей – тебе, подноготную

Тайну Евы от древа – вот:
Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

.....

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела!
В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоем глазка —

Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.
Сплёв, пожили значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...

.....
И покосившись сбоку:
— Как ты уже далек!

10

Совместный и сплбченный
Вздрог. — Наша молочная!

Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам —
Сброд! Пара минутная! —
Справляли заутреню.

Базаром и закисю,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, —

Совсем овсяной!

(Овсом своенравие
Гасить в рысках!)
Отнюдь не Аравией —
Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, —
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви, —

А главное – юности!
Смешку – без причин,
Усмешке – без умысла,
Лицу – без морщин, —

О, главное – юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
– Бурнус и Тунис! —
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалуюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

.....

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
– Наша улица! – Уже не наша... —
– Сколько раз по ней... —
 Уже не мы... —

– Завтра с западу встанет солнце!
– С Иеговой порвет Давид!
– Что мы делаем? – Расстаемся.
– Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас – стаемся. – Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кroatски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас – ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание – не по-русски!
Не по-женски! не по-мужски!

Не по-Божески! Что мы – овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание – по-каковски?
Даже смысла такого нет,

Даже звука! Ну, просто полый
Шум – пилы, например, сквозь сон.
Расставание – просто школы
Хлебникова соловьиный стон,

Лебединый...

Но как же вышло?
Точно высохший водоем —
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться – ведь это гром

На голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы – слишком круты:

Расставаться – ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться – ведь это врозь,

Мы же – сросшиеся...

11

Разом проигрывать —
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.

Негам (читай – камням),
Дням, и домам, и нам.

Дачи пустующие! Как мать
Старую – так же чту их.
Это ведь действие – пустовать:
Полое не пустоует.

(Дачи, пустующие на треть,
Лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
Загород, за́город,
Швам разрыв!

Ибо – без лишних слов
Пышных – любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов – не щит.
– О, не проси защиты! —
Шов, коим мертвый к земле пришит,
Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:
Легким или тройным!)

Так или иначе, друг, – по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!

Что под наметкой – живая жиль
Красная, а не гниль!

О, не проигрывает —
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче, – мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь —
В час, как заря займется.

Целую жизнь тебе сшила в ночь
Набело, без наметки.
Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород, швам разрыв.

Души неприбранные —
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь – по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую – как ее ни канай!
По – следний фонарь!

.....

Здесь? Словно заговор —
Взгляд. Низших рас —
Взгляд. – Можно на́ гору?
В по – следний раз!

Частой гривою
Дождь в глаза. — Холмы.
Миновали пригород.
За городом мы.

Есть — да нету нам!
Мачеха — не мать!
Дальше некуда.
Здесь околевать.

Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород. —
За городом строй!

Эх, проигранное
Дело, господа!
Всё-то — пригороды!
Где же города?!

Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!

И у Иова,
Бог, хотел займы?
Да не выгорело:
За городом мы!

.....

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь – это место, где жить
нельзя:
Ев – рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев – рейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов
терпит, лишь
Овец – палачу!
Право-на-жительство свой
лист
Но – гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Мечь! – В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить – не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По – щады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты – жидаы!

13

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками
Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью —
Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах —
Речь? Водой – имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, —

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу – глажу —
Глажу по лицу.

Такова у нас. Маринок,
Спесь, – у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наверстаешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди – накового
Моря – рыбы! Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.

.....

В слезах.
Лебеда —

На вкус.
– А завтра,
Когда
Проснусь?

14

Тропою овечьей —
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу.
Смеются. Слезам

Смеются, – всем полднем
Недр, гребнем морским!
Смеются!

– недолжным,
Позорным, мужским

Слезам твоим, видным
Сквозь дождь – в два рубца!
Как жемчуг – постыдным
На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,
Последним, – о, лей! —
Слезам твоим – перлам
В короне моей!

Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень – перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Самой Песней Песен
Уступлена речь

Нам, птицам безвестным
Челом Соломон
Бьет, – ибо совместный
Плач – больше, чем сон!

.....

И в полые волны
Мглы – сторблен и равн —
Бесследно – безмолвно —
Как тонет корабль.

*Прага, 1 февраля —
Иловици, 8 июня 1924*

На радость

С. Э.

Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Всё зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, – на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга...
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

Ace

1

Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте, в каждом взгляде,
 в каждом слове. —
Две сестры.

Своенравна наша ласка
И тонка,
Мы из старого Дамаска —
Два клинка.

Прочь, гумно и бремя хлеба,
И волы!
Мы – натянутые в небо
Две стрелы!

Мы одни на рынке мира
Без греха,
Мы – из Вильяма Шекспира
Два стиха.

11 июля 1913

2

Мы – весенняя одежда
Тополей,
Мы – последняя надежда
Королей.

Мы на дне старинной чаши,
Посмотри:
В ней твоя заря, и наши
Две зари.

И прильнув устами к чаше,
Пей до дна.
И на дне увидишь наши
Имена.

Светлый взор наш смел и светел
И во зле.
– Кто из вас его не встретил
– На земле?

Охраняя колыбель и мавзолей,
Мы – последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

Сергею Эфрон-Дурново

1

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь – так он юн —

Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

*Коктебель,
19 июля 1913*

2

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длиною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете – и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

П. Э

1

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути;
Не надо – или надо – розу
Вам принести.

И все приготавлила фразу,
Увы, забытую потом. —
И вдруг – совсем неожиданно! – сразу! —
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...

Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее – крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придет.

* * *

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. —
Я буду помнить все разводы
Цветных обоев.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —

Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

* * *

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря —
Еще за миг.

Я героически боролась.
– Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И – самое родное в Вас! —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню – Вы уже забыли —

Вы – там сидели, я – вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

Вполоборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки,
– Прощайте, граф».

* * *

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели —
Колокола.

17 июня 1914

Прибой курчавился у скал, —
Протяжен, пенен, пышен, звонок...
Мне Вашу дачу указал —
Ребенок.

Невольно замедляя шаг
— Идти смелей как бы не вправе —
Я шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей арбы
Без паруса. — Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

Была такая тишина,
Как только в полдень и в июле.
Я помню: Вы лежали на
Плетеном стуле.

Ах, не оценят — мир так груб! —
Пленительную Вашу позу.
Я помню: Вы у самых губ
Держали розу.

Не подымая головы
И тем подчеркивая скуку —
О, этот жест, которым Вы
Мне дали руку.

Великолепные глаза
Кто скажет – отчего – прищуря,
Вы знали – кто сейчас гроза
В моей лазури.

От солнца или от жары —
Весь сад казался мне янтарен,
Татарин продавал чадры,
Ушел татарин...

Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат – и было все понятно.
И солнце сквозь тяжелый плющ
Бросало пятна.

Всё помню: на краю шэз-лонг
Соломенную Вашу шляпу,
Пронзительно звенящий гонг,
И запах

Тяжелых, переспелых роз
И складки в парусинных шторах,
Беседу наших папирос
И шорох,

С которым Вы, властитель дум,
На розу стряхивали пепел.
— Безукоризненный костюм
Был светел.

28 июня 1914

3

Его дочке

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час,
Радость маленького тела,
Новых глаз.

В марте месяце родиться
— Господи, внемли хвале! —
Это значит быть как птица
На земле.

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни ноябрьские кратки,
Долги ночи ноября.
Сизокрылые касатки —
За моря!

Давит маленькую грудку
Стужа северной земли.
Это ласточки малютку
Унесли.

Жалобный недвижим венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю-бай.

12 июля 1914

4

Война, война! – Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На, кажется – надтреснутом – канате
Я – маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик

Двух темных лун.

Москва,

16 июля 1914

5

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но, если в Вас уже успела
Остыть любовь —

К любовнику — любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, —
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили

И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле —
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног —
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жадой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните бывшие клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опухит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас —

Неданной клятвы не нарушу
— Жизнь! — Карие глаза твои! —
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

6

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду!
— Чтó ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность. — Письмо в
беспредельность —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы — протянитесь на них.

Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута, и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного — навеки — лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд — поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, —
Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
— Свежий холмик меж других бугорков! —
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

**«Мне нравится, что
вы больны не мной...»**

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не вами!

3 мая 1915

«Говорила мне бабка лютая...»

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, —
Царевать тебе – под заборами!
Целовать тебе, внучка – ворона!

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние,
Да за песни твои острожные,
За позор пополам со смутою, —
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол,
Сволокут меня черти волоком.
Я за чаркой, с тобою распитой,
Говорила, скажу и Господу, —

Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916

Только плохие книги – не для всех. Плохие книги льстят слабостям: века, возраста, пола. Мифы – Библия – эпос – для всех.

Даниил

1

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: Кто здесь?
– Это я пришла. – Зачем? —
 Сама не знаю.
– Время позднее, дитя, а ты не спишь.

Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твое окошко, —
Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя называли Даниилом?
Все мне снится, что тебя терзают львы!

26 июля 1916

2

Наездницы, развалины, псалмы,
И вереском поросшие холмы,

И наши кони смиренные бок о бок,
И подбородка львиная черта,
И пасторской одежды чернота,
И синий взгляд, пронзителен и робок.

Ты к умирающему едешь в дом,
Сопровождаю я тебя верхом.
(Я девочка, – с тебя никто не спросит!)
Поет рожок меж сосенных стволов...
– Что означает, толкователь снов,
Твоих кудрей довременная проседь?

Озерная блеснула синева,
И мельница взметнула рукава,
И, отвернув куда-то взгляд горячий,
Он говорит про бедную вдову...
Что надобно любить Иегову...
И что не надо плакать мне – как плачу...

Запахло яблонями и дымком,
– Мы к умирающему едем в дом,
Он говорит, что в мире все нам снится...
Что волосы мои сейчас как шлем...
Что все пройдет... Молчу – и надо всем
Улыбка Даниила-тайновидца.

26 июля 1916

В полнолуние кони фыркали,
К девушкам ходил цыган.
В полнолуние в красной кирке
Сам собою заиграл орган.

По лугу металась паства
С воплями: Конец земли!
Утром молодого пастора
У органа – мертвого нашли.

На его лице серебряном
Были слезы. Целый день
Притекали данью щедрой
Розы из окрестных деревень.

А когда покойник прибыл
В мирный дом своих отцов —
Рыжая девчонка Библию
Запалила с четырех концов.

28 июля 1916

«Сегодня ночью я одна в ночи...»

Сегодня ночью я одна в ночи,
– Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы.

Бессонница меня толкнула в путь,
– О как же ты прекрасен, тусклый
Кремль мой!

Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю.

Вздымаются не волосы, а мех!
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех,
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

«Август – астры...»

Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных —
Август! – Месяц
Ливней звездных!

7 февраля 1917

Из цикла «Дон-Жуан»

1

На заре морозной
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц —
Строгие глаза.

И чтобы не слышать
Пустяков — красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.

Так вот и жила бы,

Да боюсь – состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

2

Долго на заре туманной
Плакала метель.
Уложили Дон-Жуана
В снежную постель.

Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звезд...
На груди у Дон-Жуана
Православный крест.

Чтобы ночь тебе светлее
Вечная – была,
Я тебе севильский веер,
Черный, принесла.

Чтобы видел ты воочью
Женскую красу,
Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.

А пока – спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список —
Полон, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

3

После стольких роз, городов и тостов —
Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы – почти что остов,
Я – почти что тень.

И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам звать пришлось?
И зачем мне знать, что пахнуло – Нилом
От моих волос?

Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку:
Был тогда – январь.
Кто-то бросил розу. Монах под маской
Проносил фонарь.

Чей-то пьяный голос молил и злился
У соборных стен.
В этот самый час Дон-Жуан Кастильский
Повстречал – Кармен.

22 февраля 1917

4

Ровно – полночь.
Луна – как ястреб.
– Что – глядишь?
– Так – гляжу!

– Нравлюсь? – Нет.
– Узнаёшь? – Быть может.
– Дон-Жуан я.
– А я – Кармен.

22 февраля 1917

5

И падает шелковый пояс
К ногам его – райской змеей...

А мне говорят – успокоюсь
Когда-нибудь, там, под землей.

Я вижу надменный и старый
Свой профиль на белой парче.
А где-то – гитаны – гитары —
И юноши в черном плаще.

И кто-то, под маскою кроясь:
– Узнайте! – Не знаю. – Узнай! —
И падает шелковый пояс
На площади – круглой, как рай.

14 мая 1917

6

И разжигая во встречном взоре
Печаль и блуд,
Проходишь городом – зверски-черен,
Небесно – худ.

Томленьем застланы, как туманом,
Глаза твои.
В петлице – роза, по всем карманам —
Слова любви!

Да, да. Под вой ресторанной скрипки

Твой слышу зов.
Я посылаю тебе улыбку,
Король воров!

И узнаю, раскрывая крылья —
Тот самый взгляд,
Каким глядел на меня в Кастилье —
Твой старший брат.

8 июня 1917

Стенька Разин

1

Ветры спать ушли – с золотой зарей,
Ночь подходит – каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб, —
Как гремит над жарким его шатром —
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2

А над Волгой – ночь,
А над Волгой – сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою – Брови Черные.

И не видно звезд, и не слышно волн, —
Только вёсла да темь крошечная!
И уносит в ночь атаманов чёлн
Персиянскую душу грешную.

И слышала
Ночь – такую речь:
– Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

* * *

А она – брови насупила,
Брови длинные.
А она – очи потупила
Персиянские.
И из уст ее —
Только вздох один:
– Джаль-Эддин!

А над Волгой – заря румяная,
А над Волгой – рай.
И грохочет ватага пьяная:
– Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она – что смерть,
Рот закушен в кровь. —
Так и ходит атаманова крутая бровь.

– Не поладила ты с нашею постелью —
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то – ясно,
Тёмно – на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан – ровно грозный дуб,
Побелел Степан – аж до самых губ.
Закачался, зашатался. – Ох, томно!
Поддержите, нехристи, – в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

«Нет! Еще любовный голод...»

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен – оттого что молод,
Нежен – оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот – Ширази лепестки! —
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

«На кортике своем: Марина...»

На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.
Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Москва,

18 января 1918

Стихи к дочери

1

– Марина! Спасибо за мир!
Дочернее странное слово.
И вот – расступился эфир
Над женщиной светлоголовой.

Но рот напряжен и суров.
Умру, – а восторга не выдам!
Так с неба Господь Саваоф
Внимал молодому Давиду.

Страстной Понедельник 1918

2

Не знаю, где ты и где я.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья,
Такие с тобою сироты.

И так хорошо нам вдвоем:

Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали – поём.
Две странницы: кормимся миром.

3

И бродим с тобой по церквам
Великим – и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим – и знатным, господским.

Когда-то сказала: – Купи! —
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль – твой от рождения. —
 Спи,
Мой первенец светлый и страшный.

4

И как под землею трава
Дружится с рудою железной, —
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

Сивилла! – Зачем моему
Ребенку – такая судьбина?
Ведь русская доля – ему...
И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

5

Молодой колоколенкой
Ты любишься – в воздухе.
Голосок у ней тоненький,
В ясном куполе – звездочки.

Куполок твой золотенький,
Ясны звезды – под лобиком.
Голосочек твой тоненький, —
Ты сама колоколенка.

Октябрь 1918

6

Консуэла! – Утешенье!
Люди добрые, не сглазьте!
Наградил второю тенью

Бог меня – и первым счастьем.

Видно, с ангелом спала я,
Бога приняла в объятья.
Каждый час благословляю
Полночь твоего зачатья.

И ведет меня – до срока —
К Богу – по дороге белой —
Первенец мой синеокий:
Утешенье! – Консуэла!

Ну, а раньше – стать другая!
Я была счастливой тварью!
Все мой дом оберегали, —
Каждый под подушкой шарил!

Награждали – как случилось:
Кто – улыбкой, кто – полушкой...
А случилось – оставалось
Даже сердце под подушкой!..

Времячко мое златое!
Сонм чудесных прегрешений!
Всех вас вымела метлою
Консуэла – Утешенье.

А чердак мой чисто метен,
Сор подобран – на жаровню.

Смерть хоть сим же часом встретим:
Ни сориночки любовной!

– Вор! – Напрасно ждешь! – Не выйду!
Буду спать, как повелела
Мне – от всей моей Обиды
Утешенье – Консуэла!

*Москва,
октябрь 1919*

Братья

1

Спят, не разнимая рук,
С братом – брат,
С другом – друг.
Вместе, на одной постели.
Вместе пили, вместе пели.

Я укутала их в плед,
Полюбила их навеки.
Я сквозь сомкнутые веки
Странные читаю вести:

Радуга: двойная слава,
Зарево: двойная смерть.

Этих рук не разведу.
Лучше буду,
Лучше буду
Полымем пылать в аду!

Два ангела, два белых брата,
На белых вспененных конях!
Горят серебряные латы

На всех моих грядущих днях.
И оттого, что вы крылаты —
Я с жадностью целую прах.

Где стройный благовест негромкий,
Бредущие через поля
Купец с лотком, слепец с котомкой...
— Дымят, пылая и гремя,
Под конским топотом — обломки
Китай-города и Кремля!

Два всадника! Две белых славы!
В безумном цирковом кругу
Я вас узнала. — Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в трубу.
Ты — над Московской Державой
Вздыхаешь радугу-дугу.

Глотаю соленые слезы.
Роман неразрезанный – глуп.
Не надо ни робы, ни розы,
Ни розовой краски для губ,

Ни кружев, ни белого хлеба,
Ни солнца над вырезом крыш, —
Умчались архангелы в небо,
Уехали братья в Париж!

11 января 1918

Ни один человек, даже самый отрешенный, не свободен от радости быть чем-то (всем!) в чьей-нибудь жизни, особенно когда это – невольно.

Ученик

*Сказать – задумалась о чем?
В дождь – под одним плащом,
В ночь – под одним плащом, потом
В гроб – под одним плащом.*

1

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
– О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем – плащ.

Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер.

Москва, 2 русск. апреля 1921 г.²²

2

Есть некий час...
Тютчев

Есть некий час – как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда сложив оружие
К ногам указанного нам – Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

²² Здесь и далее, до цикла «Сивилла», даты даются по старому стилю.

О, этот час, на подвиг нас – как Голос
Вздыхающий из своеволия дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, – еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты – одиночества верховный час!

2 апреля 1921

3

Солнце Вечера – добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует – не греет
Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
Солнце – к ночи.
Умудренное, не хочет

Бить нам в очи.

Простотой своей – тревожа —
Королевской,
Солнце Вечера – дороже
Песнопевцу!

* * *

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера – не кланяется
Черни.

Низвергаемый с престола
Вспомни – Феба!
Низвергаемый – не долу
Смотрит – в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольной.

3 апреля 1921

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные – двое.

Тесно – плечо с плечом —
Встали в молчанье.
Два – под одним плащом —
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь – и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
– Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!

Через все небо – дым
Воинств Господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и ропщет...
– Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!

Празднуя ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко – как спелый плод —
Падает: – Сыне!

Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое – в покое.

6 апреля 1921

5

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню – бок о бок – на холм,
Я помню – всходили...

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.

Всё выше, всё выше – высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

8 апреля 1921

6

Все великолепые
Труб – лишь только лепет
Трав – перед Тобой.

Все великолепые
Бурь – лишь только щебет
Птиц – перед Тобой.

Все великолепые
Крыл – лишь только трепет
Век – перед Тобой.

10 апреля 1921

7

По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким —
За плащом – рдяным и рваным.

По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгущим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким —
За плащом – следом и следом.

По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким —
За плащом – лгущим и лгущим...

12 апреля 1921

«Волконский заключен сам в себе, не в себе...»

Волконский заключен сам в себе, не в себе – в мире. (Тожё одиночная камера, – с бесконечно-раздвинутыми стенами.) Эгоист – породы Гёте. Ему нужны не люди – собеседники (сейчас – не собеседники: слушатели, восприниматели!), иногда – сведения. Изящное отсутствие человека в комнате, говоришь – отвечает, но никогда в упор, точно (нет, явно) в ответ на свою сопутствующую мысль. Слышит? Не слышит?

* * *

Никогда – тебе, всегда – себе.

* * *

Был у меня два раза, каждый раз, в первую секунду, *изумлял* ласковостью. (Думая вслед после встречи – так разительного убеждаешься в его нечеловечности, что при следующей, в первую секунду, изумляешься: улыбается, точно *вправду* рад!)

Ласковость, за которой – что? Да ничего. Общая приятность оттого, что ему радуются. Его мысли острые, его чув-

ства flottent²³.

Его жизнь, как я ее вижу – да, впрочем, его же слово о себе:

– «История моей жизни? Да мне искренно кажется, что у меня ее совсем не было, что она только начинается – начнется».

Может показаться, когда читаешь эти слова на бумаге, что говорит *горящий* жизнью, – нет, это бросается легко, созерцательно – под строкой; повествовательно-спокойно, почти небрежно.

* * *

Учитель чего? – Жизни. Прекрасный бы учитель, если бы ему нужны были ученики.

Вернее: читает систему Волконского (хонского, как он произносит, уясняя Волхонку) – когда мог читать – Жизнь.

* * *

(Музыка, запаздывающая на какую-то долю времени, последние солдаты не идут в лад, долгое дохождение до нас света звезд...)

²³ Скользят по поверхности (*фр.*).

* * *

Не поспевает за моим сердцем.

«Жаловаться не стану...»

Жаловаться не стану,
Слово возьму в тиски.
С этой мужскою раной
Справимся по-мужски.

Даром сгорают зори,
А не прося за вход.
С этой верховной хворью
Справимся, как Восход.

* * *

Великолепным даровым пожаром
В который раз, заря, сгораешь даром?

На встречных лицах, нежилых как склеп,
В который раз ты побежден, о Феб?

Не доверяя брэнной позолоте
Они домой идут – на повороте

Счастливые – что уж опять тела!

Что эту славу – сбросили с чела.

.....

Та́к, у подножья нового царя,
В который раз, душа, сгораешь зря?

⟨1921⟩

Марина

1

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, – Мариной!
Вестовым – часовым – гонцом —

Знаменосцем – льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! – сквозь огонь и воду!
Где верхом – где ползком – где вплавь!

Тростником – ивняком – болотом,
А где конь не берёт, – там летом,
Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть – сподручным!
Не единою быть – вторым!

Близнецом – двойником – крестовым

Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое – Басманов,
Отстранись. – Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.
– Руки настезь! – Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

28 апреля 1921

2

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты, гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом.

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего

Не покрывшая телом.

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
Ты, гордецу своему
Не отершая пота...

— Своекорыстная кровь! —
Проклята, проклята будь
Ты, Лжедмитрию смогшая быть
Лжемариной!

28 апреля 1921

3

— Сердце, измена!
— Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.

Краткая встряска костей о плиты.
— Гришка! — Димитрий!

Цареубийцы! Псёкровь холопья!
И — повторенным прыжком —
На копыа!

28 апреля 1921

4

– Грудь Ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможна панна...
– Мой молодой господарчик...

– Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: – Жизнью!

В каждом пришельце гонимом
Пану мы Иезусу – служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались, – слезы!
Каждой ресницей нацелясь,
Смотрит, как в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.

30 апреля 1921

«Как разгораются – каким валежником!..»

Как разгораются – каким валежником!
На площадях ночных – святыни кровные!
Пред самозванческим указом Нежности —
Что наши доблести и родословные!

С какой торжественною постепенностью
Спадают выпретенные обветшалости!
О наши прадедовы драгоценности
Под самозванческим ударом Жалости!

А проще: лоб склонивши в глубь ладонную,
В сознании низости и неизбежности —
Вниз по отлогому – по неуклонному —
Неумолимому наклону Нежности...

Май 1921

Разлука

Серееже

1

Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где —

Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.

Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле —
Мой
Дом,
Мой — сон,
Мой — смех,
Мой — свет,
Узких подошв — след.

Точно рукой
Сброшенный в ночь —
Бой.
— Брошенный мой!

Май 1921

2

Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, — домой
Хочу! — Вот так: вниз головой
— С башни! — Домой!

Не о булыжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий Воин молодой
Крыло подстелет.

Май 1921

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже —
Неотъемлем.

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
– Без звука! —
Как дерево машет рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.

Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти – нарядной
Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любви.

Каждый им шелест
Внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.

Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.

* * *

Думаешь – скалы
Манят, утесы,
Думаешь, славы

Медноголосый

Зов его – в гущу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
– Думаешь – топит?

Дольнее жало
– Веришь – вонзилось?
– Пуще опалы —
Царская милость!

Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, – незримых!

Каждый им волос
Ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.

Бойся не тины, —
Тверди небесной!
Ненасытимо —
Сердце Зевеса!

12 июня 1921

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутая путы:
Ручонки – и ржанию
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.

Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. – В глаза – полыханье рассвета.
Ручонки, ручонки!
Напрасно зовете:
Меж нами – струистая лестница Леты.

14 июня 1921

Седой – не увидишь,
Большим – не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.

На всю твою муку,
Раззор – плач:
– Брось руку!
Оставь плащ!

В бесстрастии
Каменноокой камен,
В дверях не помедлю,
Как матери медлят:

(Всей тяжестью крови,
Колен, глаз —
В последний земной
Раз!)

Не кра́дущимся перешибленным зверем, —
Нет, каменной глыбою
Выйду из двери —
Из жизни. – О чем же
Слезам течь,
Раз – камень с твоих
Плеч!

Не камень! – Уже
Широтою орлиною —
Плащ! – и уже по лазурным стремнинам
В тот град осиянный,
Куда – взять
Не смеет дитя

Мать.

15 июня 1921

7

Ростком серебряным
Рванулся ввысь.
Чтоб не узрел его
Зевес —
Молись!

При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.

Звериной челюсти
Страшной – их зов.
Ревниво к прелести
Гнездо богов.

Цветами, лаврами
Заманят ввысь.
Чтоб не избрал его
Зевес —
Молись!

Все небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всей грудью грохайся —
Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте
– О клюв! О кровь! —
Ягненок крохотный
Повис – Любовь...

Простоволосая,
Всей грудью – ниц...
Чтоб не вознес его
Зевес —
Молись!

16 июня 1921

8

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша —
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,

Повисшие в зорях.

Я знаю, я знаю,
Кто чаше – хозяин!
Но легкую ногу вперед – башней
В орлиную высь!
И крылом – чашу
От грозных и розовых уст —
Бога!

17 июня 1921

Вестнику

Скрежешут якорные звенья,
Вперед, крылатое жильё!
Покрепче чем благословенье
С тобой – веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели Фортуну —
Ты *сердце* Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих – единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Обветренные руки стиснув,
Слежу. – Не верь глазам! – Всё ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой – тысяча который? —
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож,
– Между рубахою и грудью —
Ты сердце Матери везешь.

20 июня 1921

Из цикла «Георгий»

С. Э.

1

Ресницы, ресницы,
Склоненные ниц.
Стыдливостию ресниц
Затменные – солнца в венце стрел!
– Сколь грозен и сколь ясен! —
И плащ его – был – красен,
И конь его – был – бел.

Смущается Всадник,
Гордится конь.
Надохлого гада
Белейший конь
Взирает вполоборота.
В пол-ока широкого
Вслед копыю
В пасть красную – дико раздув ноздрю —
Раскосостью огнеокой.

– Колеблется – никнет – и вслед копыю

В янтарную лужу – вослед копыю

Скользнувшему.

– Басенный взмах

– Стрел...

Плащ красен, конь бел.

26 июня 1921

2

О тяжесть удачи!

Обида Победы!

Георгий, ты плачешь,

Ты красною девой

Бледнеешь над делом

Своих двух

Внезапно-чужих

Рук.

Конь брезгует Гадом,

Ты брезгуешь гласом

Победным. – Тяжелым смарагдовым маслом

Стекает кровища.

Дракон спит.

На всю свою жизнь

Сыт.

Взлетевшею гривой
Затменное солнце.
Стыдливости детской
С гордынею конской
Союз.
Из седла —
В небеса —
Куст.
Брезгливая грусть
Уст.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь даром
Царевым, — ее подвенечным пожаром.
Церковкою ладанной:
Строг — скуп —
В безжалостный
Рев
Труб.

Смущается Всадник,
Снисходит конь.
Издыхшего гада
Дрянную кровь
— Янтарную — легким скоком
Минует, — янтарная кровь течет.
Взнесенным копытом застыв — с высот
Лебединого поворота.

Безропотен Всадник,
А конь брезглив.
Гремучего гада
Копьем пронзив —
Сколь скромн и сколь томен!
В ветрах — высокó — седлецо твое,
Речной осокой — копыцецо твое
Вот-вот запоет в восковых перстах
У розовых уст
Под прикрытием стрел

Ресничных,
Вспоет, вскричит.
— О страшная тяжесть
Свершенных дел!
И плащ его красен,
И конь его бел.

Любезного Всадника,
Конь, блюди!
У нежного Всадника
Боль в груди.
Ресницами жемчуг нижет...
Святая иконка — лицо твое,
Закатным лучом — копыцецо твое
Из длинных перстов брызжет.
Иль луч пурпуровый
Косит копьём?

Иль красная туча
Взмелась плащом?
За красною тучею —
Белый дом.
Там впустят
Вдвоем
С конем.

Склоняется Всадник,
Дыбится конь.
Все слабже вокруг копыца ладонь.
Вот-вот не снесет Победы!
Трубите! Трубите! Уж слушать недолго.
Уж нежный тростник победительный — долу.
Дотрубленный долу
Поник. — Смолк.
И облачный — ввысь! —
Столб.

Клонитесь, клонитесь,
Послушные травы!
Зардевшийся под оплеухою славы —
Бледнеет. — Домой, трубачи! — Спит.
До судной трубы —
Сыт.

28 июня 1921

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте – Георгия!

Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:

Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте – коня его!

* * *

Зычные мачты
И слободы орлие!
Громокипящего
Славьте – Георгия!

Солнцеподобного
В силе и в кротости.
Доблесть из доблестей,
Роскошь из роскошей:

Башенный рост его,
Посвист копья его,
Молниехвостого
Славьте – коня его!

Львиные ветры
И глыбы соборные!
Великолепного
Славьте – Георгия!

Змея пронзившего,
Смерть победившего,
В дом Госпожи своей
Конным – вступившего!

Зычный разгон его,
Посвист копья его,
Преображенного
Славьте – коня его!

* * *

Льстивые ивы
И травы поклонные,
Вольнолюбивого,
Узорешенного

Юношу – славьте,
Юношу – плачьте...
Вот он, что розан
Райский – на травке:

Розовый рот свой
На две половиночки —
Победоносец,
Победы не вынесший.

28 июня 1921

4

Из облаков кивающие перья.
Как передать твое высокомерье,
– Георгий! – Ставленник небесных сил!

Как передать закрепощенный пыл
Зрачка, и трезвенной ноздри раздутой
На всем скаку обузданную смуту.

Перед любезнейшею из красот

Как передать – с архангельских высот
Седла – копыа – содеянного дела

И девственности гневной – эти стрелы
Ресничные – эбеновой масти —
Разящие: – Мы не одной кости!

Божественную ведомость закончив,
Как передать, Георгий, сколь уклончив
– Чуть-что земли не тронувший едва —

Поклон, – и сколь пронзительно-крива
Щель, заледеневающая сразу:
– О, не благодарите! – По приказу.

29 июня 1921

5

С архангельской высоты седла
Евангельские творить дела.
Река сгорает, верста смугла.
– О даль! Даль! Даль!

В пронзающей прямизне ресниц
Пожарищем налетать на птиц.
Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О высь! Вось! Вось!

В заоблачье исчезать как снасть!
Двуочие разевать как пасть!
И не опомнившись – мертвым пасть;
О страсть! – Страсть! – Страсть!

29 июня 1921

6

А девы – не надо.
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду.

Как был до победы:
Сиротский и вдовый.
По вольному следу
Воды родниковой.

От славы, от гною
Доспехи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.

Храни, Голубица,
От града – посевы,
Деву – от гада,

Героя – от девы.

30 июня 1921

Благая весть

С. Э.

1

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!

В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмелеваюсь — и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты —
Что за морем ты,
Не за облаком ты!

2 июля 1921

2

Жив и здоров!
Громче громов —
Как топором —
Радость!

Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!

Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен —
Вырвут?

И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос —
Ужас.

Стало быть, жив?
Веки смежив,
Дышишь, зовут —

Слышишь?

Вывез корабль?

О мой журавль

Младший – во всей

Стае!

Мертв – и воскрес?!

Вздоху в обрез,

Камнем с небес,

Ломом

По голове, —

Нет, по эфес

Шпагою в грудь —

Радость!

3 июля 1921

3

Под горем не горбясь,

Под камнем – крылатой —

– Орлом! – уцелев,

Земных матерей

И небесных любовниц

Двойную печаль

Взвалив на плеча, —
Горяча мне досталась
Мальтийская сталь!

Но гневное небо
К орлам — благосклонно.
Не сон ли: в волнах

Сонм ангелов конных!
Меж ними — осанна! —
Мой — снегу белей...

Лилейные ризы,
— Конь вывезет! — Гривой
Вспененные зыби.
— Вал вывезет! — Дыбом
Встающая глыба...
Бог вынесет...
— Ох! —

4 июля 1921

4

Над спящим юнцом — золотые шпоры.
Команда: вскачь!
Уже по пятам воровская свора.

Георгий, плачь!

Свободною левою крест нащупал.

Команда: вплавь!

Чтоб всем до единого им под купол

Софийский, – правь!

Пропали! Не вынесут сухожилья!

Конец! – Сдались!

– Двумолнием раскрепощает крылья.

Команда: ввысь!

6 июля 1921

5

Во имя расправы

Крепись, мой Крылатый!

Был час переправы,

А будет – расплаты.

В тот час стопудовый

– Меж бредом и былью —

Гребли тяжело

Корабельные крылья.

Меж Сциллою – да! —

И Харибдой гребли.

О крылья мои,
Журавли-корабли!

Тогда по крутому
Эвксинскому берегу
Был топот Побега,
А будет – Победы.

В тот час непосильный
– Меж дулом и хлябью —
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,

Плеча напирали,
Глаза стерегли.
– О крылья мои,
Журавли-корабли!

Птенцов узоколицыч
Не давши в обиду,
Сказалоcь —
Орлицыно сердце Тавриды.

На крик длинноклювый
– С ерами и с ятью! —
Проснулась —
Седая Монархиня-матерь.

И вот уже купол

Софийский – вдали...
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Крепитесь! Кромешное
Дрогнет созвездье.
Не с моря, а с неба
Ударит Возмездье.

Глядите: небесным
Свинцом налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.

И нету конца ей,
И нету земли...
– О крылья мои,
Журавли-корабли!

7 июля 1921

Хвала Афродите

1

Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж на песках похолодевших лежю,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу —
Я молодость свою переросла.

4 октября 1921

2

Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою

Освободил меня твой же сын.
– Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

5 октября 1921

3

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной —
Грудью круглится.
В каждом цветке неповинном — твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке —
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

10 октября 1921

«С такою силой в подбородок руку...»

С такою силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такою силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет —

Так знаменосец покидает знамя.
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит — последними глазами —
Наложница последнего царя.

11 октября 1921

Подруга

*Немолкнувшим Ave,
Пасхальной Обедней —
Прекрасная слава
Подруги последней.*

1

Спит, муки твоея — веселье,
Спит, сердца выстраданный рай.
Над Иверскою колыбелью
— Блаженная! — помедлить дай.

Не суетность меня, не зависть
В дом привела, — не воспрети!
Я дитяtko твое восславить
Пришла, как древле — пастухи.

Не тою же ль звездой ведома?
— О серебро-сусаль-слюда! —
Как вкопанная — глянь — над домом,
Как вкопанная — глянь — звезда!

Не радуюсь и не ревную, —
Гляжу, — по сердцу пилой:
Что сыну твоему дарую?
Вот плащ мой — вот и посох мой.

23 ноября 1921

2

В своих младенческих слезах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в женах!
— Благословенна!

У раздорожного креста
Раскрыл глазочки.
(Ведь тот был тоже сирота, —
Сынок безотчий.)

В своих младенческих слезах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в слезах!
— Благословенна.

Твой лоб над спящим над птенцом —
Чист, бестревожен.
Был благовест тебе венцом,
Благовест — ложем.

Твой стан над спящим над птенцом —
Трепет и древо.
Был благовест ему отцом, —
Радуйся, Дева!

В его заоблачных снегах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в снегах!
— Благословенна.

26 ноября 1921

3

Огромного воскрылья взмах,
Хлещущий дых:
— Благословенна ты в женах,
В женах, в живых.

Где вестник? Буйно и бело.
Вихорь? Крыло?
Где вестник? Вьюгой замело —
Весть и крыло.

26 ноября 1921

Чем заслужить тебе и чем воздать —
Присноблаженная! – Младенца Мать!

Над стекленеющею поволокой
Вновь подтверждающая: – Свет с Востока!

От синих глаз его – до синих звезд
Ты, радугою бросившая мост!

* * *

Не падаю! Не падаю! Плыву!
И – радугою – мост через Неву.

Жизнеподательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына!

В хрип смертных мук его – в худую песнь! —
Ты – первенцево вбросившая: «Есмь!»

27 ноября 1921

Последняя дружба
В последнем обвале.
Что нужды, что нужды —
Как здесь называли?

Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнюю славой
Встаешь, — безымянной.

На крик его: душно! припавшая: друг!
Последнейшая, не пускавшая рук!

Последнюю дружбой —
Так сонмы восславят.
Да та вот, что пить подавала,
Да та вот. —

У врат его царских
Последняя смена.
Уста, с синевы
Сцеловавшие пену.

Та, с судороги сцеловавшая пот,
На крик его: руку! сказавшая: вот!

Последняя дружба,
Последнее рядом,
Грудь с грудью...

– В последнюю оторопь взгляда
Рай вбросившая,

Под фатой песнопенной,
Последнею славой
Пройдешь – покровенной.

Ты, заповеди растоптавшая спесь,
На хрип его: Мама! солгавшая: здесь!

*Москва,
28 ноября 1921*

«Любимых забываю вместе с собой, любившей...»

Любимых забываю вместе с собой, любившей. Ибо если дружба – одно из моих обычных состояний, то любовь меня из всех обычных состояний: стихов, одиночества, самоутверждения —

И – внезапное видение девушки – доставая ведро, упала в колодец – и всё новое, новая страна, с *другими* деревьями, *другими* цветами, *другими* гусями и т. д.

Так я вижу любовь, в к~~отор~~ую действительно проваливаюсь, и выбравшись, выкарабкавшись из (колодца) которой, *сначала* ничего из здешнего не узнаю, потом – уже не знаю, было ли (то, на дне колодца), а потом знаю – не было. Ни колодца, ни тех гусей, ни тех цветов, ни *той* меня.

Любовь – безлица. Это – страна. Любимый – один из ее обитателей, туземец, странный и особенный – как негр! – только *здесь*.

Глубже скажу. Этот колодец не во-вне, а во мне, я в себя, в какую-то себя проваливаюсь – как на Американских горах в свой собственный пищевод.

Ариадна

1

Оставленной быть —
 это втравленной быть
В грудь – синяя татуировка матросов!

Оставленной быть – это явленной быть
Семи океанам... Не валом ли быть
Девятым, что с палубы сносит?

Уступленной быть —
 это купленной быть
Задорого: ночи и ночи и ночи
Умоисступленья! О, в трубы трубить —
Уступленной быть! —
 Это длиться и слыть
Как губы и трубы пророчеств.

14 апреля 1923

2

– О всеми голосами раковин
Ты пел ей...

– Травкой каждою.

– Она томила лаской Вакховой.

– Летейских маков жаждала...

– Но как бы те моря ни солоны,
Тот мчался...

– Стены падали.

– И кудри вырывала полными

– Горстями...

– В пену падали...

21 апреля 1923

Слова и смыслы

1

Ты обо мне не думай никогда!

(На – вязчива!)

Ты обо мне подумай: провода:

Даль – длящие.

Ты на меня не жалуйся, что жаль...

Всех слаще, мол...

Лишь об одном, пожалуйста: педаль:

Боль – длящая.

2

Ла – донь в ладонь:

– За – чем рожден?

– Не – жаль: изволь:

Длить – даль – и боль.

Проводами продленная даль...
Даль и боль, это та же ладонь
Отрывающаяся – доколь?
Даль и боль, это та же юдоль.

23 апреля 1923

«Крутогорьями глаголь...»

Крутогорьями глаголь,
Колокольнями трезвонь
Место дольнее – юдоль,
Место дольнее – ладонь.

Всеми вольными в лазорь
Колокольнями злословь:
Место дольнее – ладонь,
Место дольнее – любовь.

29 апреля 1923

Так вслушиваются...

1

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается – устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь – до потери чувства!

Так в воздухе, который синь —
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь
Отрок – доселе лотос...
Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.

Так вглатываются в глоток:
Вглубь – до потери чувства!

Так в ткань вработываясь, ткач
Ткет свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (Велик
Бог – посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тишь.

Так жалом тронутая кровь
Жалуется – без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в падать.

3 мая 1923

Брат

Раскалена, как смоль:
Дважды не вынести!
Брат, но с какой-то столь
Странною примесью

Смуты... (Откуда звук
Ветки откромсанной?)
Брат, заходящий вдруг
Столькими солнцами!

Брат без других сестер:
Напрочь присвоенный!
По гробовой костер —
Брат, но с условием:

Вместе и в рай и в ад!
Раной – как розаном
Соупиваться! (Брат,
Адом дарованный!)

Брат! Оглянись в века:
Не было крепче той
Спайки. Назад – река...
Снова прошепчется

Где-то, вдоль звезд и шпал,
– Настежь, без третьего! —
Что по ночам шептал
Цезарь – Лукреции.

13 июля 1923

Наклон

Материнское – сквозь сон – ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа – к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирующего вер – ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба – к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовой к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) – тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо – гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба, – годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля 1923

«Любовь в нас...»

Любовь в нас – как клад, мы о ней ничего не знаем, всё дело в случае. Другой – наша *возможность* любви... Человек – повод к взрыву. (Почему вулканы взрываются?) Иногда вулканы взрываются сокровищами.

Дать взорваться больше, чем добыть.

В любви мы лишены главного: возможности рассказать (показать), как мы от него страдаем.

«Любовь, любовь...»

Любовь, любовь,
Вселенская ересь двух!

* * *

Гудят провода,
На них воробы —
Как воры...

* * *

Руками держи
Любовь свою, мни,
Тискай!
Правами вяжи!
Глазами вражды, сыска
Гляди — На груди

* * *

Курьерская гарь
К большим городам —
Не к вам мы!
Я думала встарь,
Что – по проводам
Телеграммы
Идут: по струне
Спешащий лоскут:
«Срочно».

* * *

Сама по струне
Хожу – вся душа —
В ключья!
Мне писем не шлют
Последнее Шах —
Отнял.
Бумажный лоскут,
Повисший в ветрах, —
Вот я...

* * *

Пространство – стена.
Но время – брешь
В эту стену.

* * *

Душа стеснена.
Не стерпишь – так взрежь
Вены!
Пространство – стена,
Но время – брешь
В эту стену.

⟨1923⟩

«Оставленного зала тронного...»

Оставленного зала тронного
Столбы. (Оставленного – в срок!)
Крутые улицы наклонные,
Стремительные, как поток.

Чувств обезумевшая жимолость,
Уст обеспамятевший зов.
– Так я с груди твоей низринулась
В бушующее море строф.

Декабрь 1923

«...Подумали ли Вы...»

...Подумали ли Вы о том, что Вы делаете, уча меня великой земной любви? Ну, а если научите? Если я, действительно, всё переборю и всё отдам?

Любовь – костер, в который бросают сокровища, так сказал мне первый человек, которого я любила, почти детской любовью, человек высокой жизни, поздний эллин.

Сегодня я (13 лет спустя) о нем вспоминаю. Не этому ли учите меня – Вы?

Но откуда Вы это знаете, Вы, не лучшей жизнью меня – живший? И почему у Вас только укоры ко мне, а у меня – одна любовь?

М.б. женщина действительно не вправе «фраза не окончена»

Но у меня и другое было: моя высокая жизнь с друзьями «в просторах души моей».

* * *

Теперь, отрешась на секунду, что я женщина: вот Вам обычная жизнь поэта: верх (друзья) и низ (пристрастья), с той разницей, что я в этот низ вносила весь свой верх, отсюда – трагедия...Если бы я, как Вы, умела только играть (СОВСЕМ не умею!) и не шла бы в эту игру всей собой, я

была бы и чище и счастливее. (NB! счастливее – да, чище – нет. 1932 г.) Моя душа мне всегда мешала, есть икона Спас-Недреманное Око, так вот – недреманное око высшей совести: перед собой.

* * *

(NB! Внося верх в низ, душу в любовь, я неизменно возвышалась – другого и никогда не снижалась – сама. Ни от одной любви у меня не осталось чувства унижения – своего, только бессовестности – чужой. Мне не стыдно, что я тебя такого любила: я тебя не такого любила и пока я тебя любила, ты *не* был таким, но тебе должно быть (и есть) стыдно, что ты меня такую не любил – не так любил.)

* * *

А еще... неудачные встречи, слабые люди. Я *всегда* хотела *служить*, всегда иступленно мечтала слушаться, ввериться, быть вне своей воли (своеволия), быть младше <фраза не окончена>. Быть в надежных старших руках. *Слабо* держали – оттого уходила.

Как поэту – мне не нужен никто. Как женщине, т. е. существу смутному, мне нужна ясность, – и существу стихийному – мне нужна воля: воля другого к лучшей мне.

«Друг, по горячему следу...»

Друг, по горячему следу

Слез...

Препечальная повесть!

– «С Вашим счастливым соседом

Я поменялся бы тотчас!»

Обомлевать, распинаться,

Льстить? (Возвеличен, целован!)

Мой сотрапезник парнасский —

С бедным соседом столовым?

Но не за высшим ль столом ты?..

– Нет! не пойму! надоумьте! —

Для передачи солонки?

Для пополнения рюмки?

Только-то?.. Кравчий имперский —

С кем?

И с усмешкой, как внуку:

– Место имею в моем сердце

По мою правую руку!

29 апреля 1925

«Любовь без ревности...»

Любовь без ревности есть любовь вне пола. Есть ли такая?

1) без ревности 2) вне пола. Есть любовь с невозможностью ревности, т. е. любовь несравненного, вне сравнения стоящего. Так, может ли Гёте ревновать любимую – к любому? (Ревность – ведь это некий *низший* заговор равных. Своего рода – братство. Одну дрянь променяла на другую дрянь.)

В ревности ведь элемент – признания соперника, хотя бы – права его на существование. Нельзя ревновать к тому, чего *вообще* не должно быть, к тому, которого вообще – нет. (А Пушкин – Дантес?) Нельзя ревновать к пустому месту...

В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к заведомо-низшему, соревноваться с заведомо-слабейшим тебя, здесь уже ревность заменяется презрением.

Позвольте, но есть разные планы превосходства (соревнования). Бетховен превосходил любого – сущностью, но любой превосходил Бетховена – красотой. Гёте (80-ти лет) превосходил любого гением (и красотой!), но любой превосходил его молодостью.

Ревность от высшего к низшему (Бетховена – к Иксу, Гёте – к Игреку, Пушкина – к Дантесу) не есть ревность *лица* к лицу, а *лица* – к стихии, т. е. к красоте, молодости, скажем вежливо – шарму, к которым есть – стихия (слепая).

К *лицу* ревновать не будешь, *сам полюбишь!* Гёте не может ревновать к Бетховену – вздор! Либо: не та ревность, боль – *иного* качества: боль-*восторг*, за которую – благодарность.

Но ревность Гёте к помощнику садовника, на к^оторо^го загляделась его «пропуск одного слова» (я такого случая не знаю: наверное – был) – есть именно ревность в ее безысходности, ревность к стихии – и потому – стихийная.

Только не надо путать стихии – с данным, его «лицо» (нелицо) достаивать своей ревности (страдания). Надо знать, что терпишь – от легиона: слепого и безымянного.

И чем *нулевее* соперник – тем *полнее* ревность: Пушкин – Дантес. (Нулевее – и как круглый нуль, и как последний нуль порядкового числительного: миллионный, ста-миллионный и т. д.)

В лице Дантеса Пушкин ревновал к нелицу. И – *нелицо́м* (ПО́ЛОМ – тем самым шармом!) был убит.

«Дом с зеленою гущей...»

Дом с зеленою гущей:
Кущ зеленою кровью...
Где покончила – пуще
Чем с собою: с любовью.

14 июня 1932

«Милые дети...»

МИЛЫЕ ДЕТИ,

Я никогда о вас отдельно не думаю: я всегда думаю, что

вы люди или нелюди (как мы). Но говорят, что вы *есть*, что вы – особая порода, еще поддающаяся воздействию.

Потому:

– Никогда не лейте зря воды, п.ч. в эту же секунду из-за отсутствия этой капли погибает в пустыне человек.

– Но оттого что я не пролью этой воды, он этой воды не получит!

– Не получит, но на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше.

– Потому же никогда не бросайте хлеба, а увидите на улице, под ногами, подымайте и кладите на ближний забор, ибо есть не только пустыни, где умирают без воды, но трущобы, где умирают без хлеба. Кроме того, м.б., этот хлеб заметит голодный, и ему менее совестно будет взять его так, чем с земли.

Никогда не бойтесь смешного, и если видите человека в глупом положении: 1) постарайтесь его из него извлечь, если же невозможно – прыгайте в него, к нему, как в воду, вдвоем глупое положение делится пополам: по половинке на каждого – или же, на *худой* конец – не видьте его.

Никогда не говорите, что так *все* делают: все всегда плохо делают – раз так охотно на них ссылаются (NB! ряд примеров, к~~отор~~ые сейчас опускаю). 2) у всех есть второе имя: никто, и совсем нет лица: бельмо. Если вам скажут: так никто не делает (не одевается, не думает, и т. д.) отвечайте: – А я – *кто*.

В более же важных случаях – поступках —

– Et s'il n'en reste qu'un – je serai celui-la²⁴. Не говорите «немодно», но всегда говорите: *неблагородно*. И в рифму – и лучше (звучит и получается).

Не слишком сердитесь на своих родителей, – помните, что и они были *вами*, и вы будете *ими*.

Кроме того, для вас они – родители, для себя – я. Не истощивайте их – их родительством.

Не осуждайте своих родителей на смерть раньше (ваших) сорока лет. А тогда – рука не подымется!

* * *

Увидя на дороге камень – убирайте, представьте себе, что это вы бежите и расшибаете себе нос, и из сочувствия (себе в другом) – убирайте.

* * *

Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае.
Стесняйтесь – *не* уступить.

²⁴ И если останется только один – им буду я (*фр.*).

* * *

Не отличайте себя от других – в материальном. Другие – это тоже вы, тот же вы. (Все одинаково хотят есть, спать, сесть – и т. д.)

* * *

Не торжествуйте победы над врагом. Достаточно – сознания. После победы стойте с опущенными глазами, или с поднятыми – и протянутой рукой.

* * *

Не отзывайтесь при других иронически о своем любимом животном (чем бы ни было – любимом). Другие уйдут, свой – останется.

* * *

Книгу листайте с верхнего угла страницы. – Почему? – П.ч. читают не снизу вверх, а сверху вниз.
Кроме того – это у меня *в руке*.

* * *

Наклоняйте суповую тарелку к себе, а не к другому: суп едят к себе, а не от себя, 2) чтобы, в случае беды, пролить суп не на скатерть и не на vis-à-vis²⁵, себе на колени.

* * *

Когда вам будут говорить: – Это романтизм, – вы спросите: – Что такое романтизм? – и увидите, что никто не знает, что люди берут в рот (и даже дерутся им! и даже плюются им! запускают «пропуск одного слова» вам в лоб!) слово, смысл к^оторо^го они не знают.

Когда же окончательно убедитесь, что *не* знают, сами отвечайте бессмертным словом Жуковского:

Романтизм – это душа.

* * *

Когда вас будут укорять в отсутствии «реализма», отвечайте вопросом:

– Почему башмаки – реализм, а душа – нет? Что более реально: башмаки, которые проносились, или душа, к^оторая

²⁵ Сидящего напротив (*фр.*).

не пронашивается? И кто мне в последнюю минуту (смерти) поможет: – башмак?

– Но подите-ка покажите душу!

* * *

– Но (говорю *их* языком) подите-ка покажите почки или печень. А они все-таки – есть, и никто *своих* почек глазами не видел.

Кроме того, *что-то* болит: *не* зуб, *не* голова, *не* живот, *не* – не – не – а – *болит*.

Это и есть душа.

Побег

**«Тише, тише, тише,
век мой громкий!..»**

Тише, тише, тише, век мой громкий!
За меня потоки – и потомки.

1931

«– Не нужен твой стих...»

– Не нужен твой стих —
Как бабушкин сон.
– А мы для иных
Сновидим времен.

– Докучен твой стих —
Как дедушкин вздох.
– А мы для иных
Дозорим эпох.

– В пять лет – целый свет —
Вот сон наш каков!
– Ваш – на́ пять лишь лет,
Мой – на пять веков.

– Иди, куда дни!
– Дни *мимо* идут.
– Иди, куда *мы*.
– Слепые ведут.

А быть или нет
Стихам на Руси —
Потоки спроси,
Потомков спроси.

Медон

14 сентября 1931

«О поэте не подумал...»

О поэте не подумал
Век – и мне не до него.
Бог с ним, с громом, Бог с ним, с шумом
Времени не моего!

Если веку не до предков —
Не до правнуков мне: стад.
Век мой – яд мой, век мой – вред мой,
Век мой – враг мой, век мой – ад.

Сентябрь 1934

«Уединение: уйди...»

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.

Чтоб ни души, чтоб ни ноги —
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.

Кто победил на площади —
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди
Справляй и погребай победу.

Уединение в груди.
Уединение: уйди,

Жизнь!

Сентябрь 1934

«Жизни с краю...»

Жизни с краю,
Середкою брезгуя,
Провожая —
Дорогу железную.

Века с краю
В запретные зоны
Провожая
Кверх лбом — авионы.

Почему же,
О люди в полете!
Я — «отстала»,
А вы — отстаете,

Остаетесь.
Крылом — с ног сбивая,
Вы несетесь,
А опережаю —
Я?

Февраль 1935

«Двух станов не боец, а – если гость случайный...»

*Двух станов не боец,
А только гость случайный...*

Двух станов не боец, а – если гость случайный —
То гость – как в глотке кость, гость – как в подметке
гвоздь.

Была мне голова дана – по ней стучали
В два молота: одних – корысть и прочих – злость.

Вы с этой головы – к создателю чуду
Терпение мое, рабочее, прибавь —
Вы с этой головы – что требовали? – Блуда!
Дивяся на ответ упорный: обезглавь.

Вы с этой головы, уравненной – как гряды
Гор, вписанный в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы – что требовали? – Ряда!
Дивяся на ответ (безмолвный): обезножь.

Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад: лирический...
– Нет, стой!

Два строя: Домострой (– и Днепрострой – на выбор!)
Дивяся на ответ безумный: – Лиры – строй.

Вы с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали: нас – любви, тех – ненавись!
Не все ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?

Бывают времена, когда голов – не надо.
Но слово низводить – до свеклы кормовой —
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой!

– Ты царь: живи один... – Но у царей – наложниц
Минута. Бог – один. Тот, в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья – истец – заложник —
Двух – противубоец. Дух – противубоец.

25 октября 1935, Ванв

Отцам

1

В мире, ревушем:
– Слава грядущим!
Что́ во мне шепчет:
– Слава прошедшим!

Вам, проходящим,
В счет не идущим,
Чад не родящим,
Мне – предыдущим.

С клавишем, с кистью ль
Спорили, с дестью ль
Писчею – чисто
Прожили, с честью.

Белые – краше
Снега сокровищ! —
Волосы – вашей
Совести – повесть.

14–15 сентября 1935

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью —
По колено в земле,

А сединами – в звездах!
Вам, слышней камыша,
– Чуть зазыблется воздух —
Говорящим: ду-ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
Современникам старшим —
Вам, без равенств и братств,

Руку веры и дружбы,
Как кавказец – кувшин
С виноградным! – врагу же —
Две – протягивавшим!

Не Сиреной – сиренью
Заключенное в грот,
Поколение – с пареньем!
С тяготением – *от*

Земли, *над* землей, прочь от
И червя и зерна!
Поколение – без почвы,
Но с такою – до дна

Днища узренной бездной,
Что из впалых орбит
Ликом девы любезной —
Как живая глядит,

Поколение, где краше
Был – кто жарче страдал!
Поколение! Я – ваша!
Продолженье зеркал.

Ваша – сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти – временному!

Вы – ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Все – внушившие – чтить:

Кроме бога ВААЛА!
Всех богов – всех времен —
и племен...
Поколению – с провалом —

Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – *быть*,
Вам, средь шумного бала
Так умевшим – любить!

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

16 октября 1935

Жизни

1

Не возьмешь моего румянца —
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Та́к, на полном скаку погонь —
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

27 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, —
Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожиллом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром:
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.

– Заждалась ножа!

28 декабря 1924

«От родимых сёл, сёл!..»

От родимых сёл, сёл!
– Наваждений! Новоявленностей!
Чтобы поезд шел, шел,
Чтоб нигде не останавливался,

Никуда не приходил.
В вековое! Незастроенное!
Чтобы ветер бил, был,
Выбивалкою соломенную

Просвежил бы мозг, мозг
– Все осевшее и плесенное! —
Чтобы поезд нёс, нёс,
Быстрее лебедя, как в песенке...

Сухопутный шквал, шквал!
Низвержений! Невоздержанностей!
Чтобы поезд мчал, мчал,
Чтобы только не задерживался.

Чтобы только не срастись!
Не поклясться! не насытиться бы!
Чтобы только – свист, свист
Над проклятою действительностью.

Феодалных нив! Глыб
Первозданных! незахватанностей!
Чтобы поезд шиб, шиб,
Чтобы только не засматривался

На родимых мест, мест
Августейшие засушенности!
Всё едино: Пешт – Брест —
Чтобы только не заслушивался.

Никогда не спать! Спать?!
Грех последний, неоправданнейший...
Птиц, летящих вспять, вспять
По пятам деревьев падающих!

Чтоб не ночь, не две! – две?! —
Еще дальше царства некоего —
Этим поездом к тебе
Все бы ехала и ехала бы.

Конец мая 1925

«Зная только одни августейшие беды...»

Зная только одни августейшие беды, как любовь к нелюбимому, смерть матери, тоску по своему семилетию, – *такое*, зная только *чистые* беды: раны (*не язвы!*) – и все это в прекрасном декоруме: сначала феодального дома, затем – эвксинского берега – не забыть хлыстовской Тарусы, точно нарочно данной отродясь, чтобы весь век ее во всем искать и нигде не находить – я до самого 1920 г. недоумевала: зачем героя непременно в подвал и героиню непременно с желтым билетом. Меня знобило от Достоевского. Его черноты жизни мне казались предвзятыми, отсутствие природы (сущей и на Сенной: и *над* Сенной в виде – *неба*: вездесущего!) не давало дышать. Дворники, углы, номера, яичные скорлупы, плевки – когда есть небо: *для всех*.

То же – *toutes proportions gardées!*²⁶ – я ощущала от стихов 18-летнего Эренбурга, за которые (присылку которых – присылал все книжки) – его даже не благодарила, ибо в каждом стихотворении – писсуары, весь Париж – сплошной писсуар: Париж набережных, каштанов, Римского Короля, одиночества, – Париж моего шестнадцатилетия.

²⁶ С учетом пропорций (*фр.*).

То же – toutes proportions encore mieux gardées²⁷ – ощущаю во всяком Союзе Поэтов, революционном или эмигрантском, где что ни стих – то нарыв, что ни четверостишие – то бочка с нечистотами: между нарывом и нужником. Эстетический подход! – ЭТИЧЕСКИЙ ОТСКОК.

²⁷ С еще большим учетом пропорций (*фр.*).

Сад

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...

На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни – лица,
Без ни – души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни – ушка
Мне сад пошли:
Без *ни* – *душка!*
Без ни – души!

Скажи: довольно му́ки – на
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
– Сад, одинокий, как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

1 октября 1934

«Уж если кораллы на шее...»

Уж если кораллы на шее —
Нагрузка, так что же — *страна?*
Тишаю, дичаю, волчею,
Как мне все — равны, всем — равна.

И если в сердечной пустыне,
Пустынной до краю очей,
Чего-нибудь жалко — так сына, —
Волчёнка — еще поволчей!

9 января 1935

«Никому не отмстила и не отмщу...»

Никому не отмстила и не отмщу —
Одному не простила и не прощу
С дня, как очи раскрыла – по гроб дубов
Ничего не спустила – и видит Бог:
Не спущу до великого спуска век...
– Но достоин ли человек?
– Нет. Впустую дерусь: ни с кем.
Одному не простила: *всем*.

26 января 1935

Крысолов

Лирическая сатира

Город Гаммельн

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромн, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн – славный городок!

В ночь, как быть должно комете,
Спал без прбсыпу и сплюшь.
Прочно строен, чисто мётен,
До умильности похож

– Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покррой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить

И помирать спокойно.

Гривенник – туша, пятак – кувшин
Сливов, полушка – твóрог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:

Грех.
(Спросим дедов:
Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,
Ни должников, – и кроме
Пива – ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови.

Грех. Полстолетия (пятьдесят
Лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели.

Вместе истлели». Тюфяк, трава, —
Разница какова?
(Бог упаси меня даже пять
Лет на одной перине

Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их не принял.

И озаренье: А вдруг у них
Не было таковых?

Руки – чтоб гривну взымать с гроша,
Ноги – должок не додан.
Но, вразумите, к чему – душа?
Не глубоко ль негодный

– Как жардиньерка – гамак – кларнет —
В нашем быту – предмет?

В городе Гаммельне – отпиши —
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне – *ни души*,
Но уже тела за это!

Плотные, прочные. Бык, коль дюж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся – георгин,
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин, —
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн – и умереть!»

Juri, и Ruhrei, и Ruhr uns nicht
an (в словаре: не тронь нас!) —

Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых – скромность,

И... бережливость: воззрился – ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка, читатель. – Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

– Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, —

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет,
Был, было, раз – да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор, – и правильно: не простак
Пастор, – не всем «осанна!».
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка – не пустяк!

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв – застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних —

Смерть. Обывателю ты – что чуб
Бульбе, и Будде – пуп.

С пуговицею – все право в прах,
В грязь. Не теряй, беспутный,
Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен.

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch wo bist?») —

Как не прообраз ее? («Bin nackt,
Наг, – потому робею») —
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица – в идее!

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) – идея – вот:

Для отличения Шатуна —
Чад – от овец Господних:
Божье застегнуто чадом на
Всё, – а козел расстегнут —

Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж, – застегнись на всё!

Не привиденьями ли в ночи
– Целый Бедлам вакантный! —
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники...

Коли взять на вес:
Без головы, чем без²⁸

Пуговицы! – Санкюлот! Босьяк!
От Пугача – к Сэн-Жюсту?!
Если уж пуговица – пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она – что грунт
Древу и чреву – фунт

Стерлингов. А оборвется – голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, мать, коль
Пуговицею – носик:

Знак добронравия. (Мой же росс
Явственно горбонос —

²⁸ NB! Лучше.

В нас)²⁹.

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! О истин куцых!
От революции не спасет —
Пуговица. Да рвутся ж —

Всё! Коли с демонами в родстве —
Бард, – расстегнись на всё!

* * *

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных, – Рай —

Город...

Божья радость —
Гаммельн, здравых —
город, правых —

²⁹ Мой сын Георгий (Мур), родившийся в полный разгар мечты о Крысолове и первой главы его – 1 февраля 1925 г., в воскресенье, ровно в полдень, в безумную (последнюю!) выюгу, в избе, в деревне Вшеноры, близ Праги. (Прим. М. Цветаевой.)

город...

Рай-город³⁰, пай-город, всяк-свой-пай-берет, —
Зай-город, загодя-закупай-город.

Без загадок —
город, — гладок:
Благость. Навык —
город. — Рай —

город...
Божья заводь —
Гаммельн, гадов —
Бесу, сладок —
Богу...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему-уступай-город.

Без пожаров —
город, благость —
город, Авель —
город. — Рай —
город...

Кто не хладен
и не жарок,
прямо в Гаммельн

³⁰ Ударение, как: Миргород, Белгород и пр. (Прим. М. Цветаевой.)

поез —

жай-город, рай-город, горностай-город.
Бай-город, вóвремя-засыпай-город.

Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупреждение первое.

Су – дари, выпрягайте слуг!
Тру – бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag».

Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник – на пять.

Ла – вочник, оставляй мелóк,
Бюр – герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!

Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдёт ли засов;
Предупреждение третье.

Би – блию закрывай, отец!
Бюр – герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак, —
«Morgen ist auch ein...»

– Спят
Гаммельнцы...

СНЫ

(Глава вторая)

В других городах,
В моих (через – край-город)
Мужья видят дев
Морских, жены – Байронов,

Младенцы – чертей,
Служанки – наездников...
А ну-ка, Морфей,
Что – гаммельнцам грезится

Безгрешным, – а ну?
– Востры – да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа,

Младенец – сосок,
Краса толстощекая —
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар – пробует,
Обер – требует,
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля —
Так все у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Конечно – внучат
Дед (точку – прозаик),
Служанка – очаг
И добрых хозяев.

Каспар – заповедь,
Пастор – проповедь.
Не без проку ведь

Спать, – не плохо ведь?

Пуды колбасы
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же – аптекарь,

Наставнику – трость,
Плод дел его швейных —
Швецу. Псу же – кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка – щипаное,
Прачка – плисовое.
Как по-писаному!
Как по-писаному!

– А сам бургомистр?
– Чтó въяве – то в дрёме.
Раз он бургомистр,
Так что ж ему кроме

Как бюргеров зреть,
Вассалов своих!
А сам бургомистр —
Своих крепостных³¹.

Дело слаженное,

³¹ Burg по-немецки «крепость». (Прим. М. Цветаевой.)

Платье сложенное, —
По-положенному!
По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:
Есть доброе – в старом!)
А впрочем, чтоб рифм
Не стаптывать даром —

Пройдем, пока спит,
В чертог его (строек
Царь!) прочно стоит
И нашего стобит

Внимания...

* * *

Замка не взломав,
Ковра не закапав —
В богатых домах,
Что первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нещадный, как тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества, —
(Счета в переплете
Шагреневом!) вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей, —
Вещественность сути:

Букет ее – всей!
Есть запахи – хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей,
– О! и не дневала! —
Гнилых овощей³²
– Так пахнут подвалы —

Ему предпочту.
Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук:
Мошны громогласной

³² Подразумевается: запах. (Прим. М. Цветаевой.)

Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил – а по мне
Смердит изобилье! —
Довольством – вполне.
А если и пылью —

Не нашей – с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной – штофной —

Портьерной. Красот
Собранием, скопом
Красот и чистот,
А если и потом —

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным

Жилетным: не дам.

По самое небо
– О Ненависть! – храм
Стоглавый тебе бы —

За всех и за вся.

* * *

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят.
Врата без затвора —
Сон. Дóмы – без врат.
Всё – тени, всё – воры

В снах.)

Стó – невест тебе.
Всё – с запястьями!
Без – ответственно.
Без – препятственно.

Сé – час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные дома!

В двуспальных толстух,

В мужей без измены.
Тот красен петух —
Как стяги — как стены

В иных городах...

Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих — бургомистр.

* * *

Домовит, румянист —
Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седмица —
Бургомистрово чело.
Что же мнится? что же снится
Бургомистру? Ни — че — го.

Ничего (как с жир-горы
Пот-то!), то есть: бургеры.

Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей – бюргерши.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дочь.

Соломонова пшеница —
Косы, реки быстрые.
Что мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шёпоты...
Все – и еще что-то!

Напасть

(Глава третья)

Тетки-трещотки,
Кухарки-тараторки,

– Чепцы, кошёлки —
Бабки-балаболки.

– Сала для лекаря!
– Трав для аптекаря!
– Свежего, красного
Легкого для пастора!

– По – следней дойки!
Девки-маслобойки.
– Ядреной крупки!
Стряпки-мясорубки,

– Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
– Свежих воловых
Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,
Торговки-горлодерки,
– Кофты на байке —
Хозяйки-всезнайки.

– Све – жая требуха!
– Жи – вого петуха!
– Масляна, не суха!
– Серд – ца для жениха!

– Сливки-последки!

Соседки-добросердки.
– Свежего! с ледничку!
Советчицы-сплетницы.

– Взвесь, коль не веришь!
– Жарь – не ужарится!
– Гу – синих перьев

Для нотариуса!
– О – вощи да с гряды!
– Со – вести для судьи!

Кур-ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежий, с постельки
Вдовицы-коротельки.

– Мни, да не тискай!
– Рдянь – не редиска:
– По – лушка с миской!
– Мозгов для бургомистра!

– Что хотите, то берите!
Подолы́, капора.
Поварихи-разберихи,
Румяные повара.

Но – сы приплюснутые:
– Чего бы вкусенького?

Ла – дошки – ширмочками:
– Чего бы жирненького?

Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.

– Всё чехлы посняли с кресел!
– А гостей! А гостей!
– Нынче пекарева крестят!
– Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.
Один в трахоме
Глаз, другой – пенится.
Сидни-кофейницы.

– Женишка-то, чай, постарше!
– А наряд! А наряд!
– Говорят, что у почтарши...
– Говорят... Говорят...

Язвы-швырялы,
Кляузы-обмиралы,
– На площадь сор неси! —
Козни-цикорницы.

– Нацепил зеленый галстук!

– Ловелас! Ловелас!

– Мясник с тещей поругался!

– А у нас! А у нас!

– Ред – ко – сти...

– Хит – ро – сти...

– Кхе-кхе-кхе...

– Кхи-кхи-кхи...

– Бургомистрова-то Грета!

– Не того! Не того!

– Третью ночь сидит до свету!

– Каково? Каково?

– Свечку жжет...

– Век свой жжет...

– Счастья ждет...

– В гроб пойдет...

– Скатертей одних – с три пуда!

– Чай, одна! Чай, одна!

– Ни за кем, отцу, не буду.

– Не жена! Не жена!

– Грех-таки...

– Стыд-таки...

– Кхе-кхе-кхе...

– Кхи-кхи-кхи...

– Поглядеть – одне костяшки...
– Не в соку! Не в соку!
– К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!

Клуб
Женский – закрыт!

Суп
Перекипит.

Город грядок
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных —

Мера! Священный клич!
Пересмеялся – хнычь!

Перегордился – в грязь!
Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил – хлев,
Перемонаршил – бунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру! Сочти и взвесь!

Переобедал – резь,
(Лысина – перескреб).
Перепостился – гроб,

Перелечил – чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил – плеть,
Но и непереглядь
– Только не передать! —

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай —
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

В меру! Im rechten Mass!
Верный обманет глаз.
В царстве – давно – химер —
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лохунг, наш тугендбунд.
Zuviel ist un —

Не красоты одной – сало, слышишь? —
Вреден излишек.

Переполнения ж складов – рисом —
Следствием – крысы.

Саго, и сала, и мыла – в меру,
Господи, даруй!

Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и не мало.
Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы»³³.

К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв
С на – крытых столов!
Но – в том-то и гвоздь! —
Есть – голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть – надоест!

³³ В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний.
(Прим. М. Цветаевой.)

Без – сильных не злобь!
(Кры – синая дробь.)

Злость тех, кто не сыт:
Се – годня рысит
А завтра – повис.
(Кры – синая рысь.)

(Скороговорка)

Не сыт и не спит,
(Крысиная сыпь),
По сытеньким – прыг,
(Крысиная прыть.)

Дом. Склад.
Съе-дят
До – крох.
(Крысиный горох.)

Зря – крал,
Зря – клал,
Зря – греб
(Крысиный галоп.)

Глав – глад —
Крысиный набат.

Глав-гвалт —

Крысиный обвал.

Куль! Рвись:
Глав – крыс!

* * *

А над кулем-то, а над мешком-то —
Точно над трупом!
И перекачивается круто:
«Крысы да крупы».

(Твой зуб,
Главкруп!)

Докраснобайствовались, мессии
Низшего класса!
Так и свистит по живому мясу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.